

**Ежемесячный
научный журнал
№58 / 2020
1 часть**

Редакционный совет

Ответственный редактор – д.ю.н. Чукмаев А.И.
Секретарь конференции – к.ф.н. Варкумова Е.Е.
Редакционная коллегия
Сорновская Н.А.
Кажемаев А.В.
Каверин В.В.
Каримов П.Б.
Свистун А.А.
Селиктарова К.Н.
Артафонов В.Б.
Самиров А.И.
Семипалов С.А.
Новицкая О.С.

Ответственный редактор

Чукмаев Александр Иванович

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права.
(Астана, Казахстан)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: 620144, г. Екатеринбург, улица Народной Воли, 2, оф. 44

Адрес электронной почты: info@national-science.ru

Адрес веб-сайта: <http://national-science.ru/>

Учредитель и издатель Общество с ограниченной ответственностью
"Евразийское Научное Содружество"

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144, г. Екатеринбург,
улица Народной Воли, 2, оф. 44

Редакционный совет

Ответственный редактор – д.ю.н.Чукмаев А.И.
Секретарь конференции – к.ф.н. Варкумова Е.Е.
Редакционная коллегия
Сорновская Н.А.
Кажемаев А.В.
Каверин В.В.
Каримов П.Б.
Свистун А.А.
Селиктарова К.Н.
Артафонов В.Б.
Самиров А.И.
Семипалов С.А.
Новицкая О.С.

Художник: Венерская Виктория Александровна

Верстка: Коржев Арсений Петрович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Международные индексы:

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кочepasова А.Ю. ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ КАК ОСНОВАНИЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ4	Mamedov A.K. SOCIAL KNOWLEDGE: THE AMBIVALENCE OF DEVELOPMENT MODELS6
--	--

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Леонтьев Р.Г. ПСЕВДОЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ АЭРОПОРТОВ МВЛ: ФОРМАЛЬНЫЕ ДЕФЕКТЫ НАУЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ.....10	Мяснянкина О.В. ИННОВАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ: ВЫБОР И УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ19
Леонтьев Р.Г. НЕУМЕСТНАЯ ОЦЕНКА СООТВЕТСТВИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБ АЭРОПОРТАХ МВЛ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ДИССОВЕТА15	Радыгина С.В., Чипеева Ю.В. МОДЕЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА СУБЪЕКТОВ МАЛОГО БИЗНЕСА В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА ЧЕРЕЗ СОЗДАНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ (ПРОМЫШЛЕННЫХ) ПАРКОВ И ТЕХНОПАРКОВ.....23

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Апшенасова У.И. СОВРЕМЕННЫЕ ПОПРАВКИ В КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ27	Каверина Э.Ю. СПЕЦИФИКА РАССЛЕДОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ НАЛОГОВОЙ ПРОВЕРКОЙ И НАЛОГОВОЙ ЭКСПЕРТИЗОЙ38
Байзакова Р.Б. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЙ В КАЗАХСТАНЕ: ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ30	Саратова О.В. ПРОСЛУШИВАНИЕ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ КАК ОДНО ИЗ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, НАРУШАЮЩЕЕ И ОГРАНИЧИВАЮЩЕЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА: ПОЗИЦИЯ ЕСПЧ41
Гулямов С.С. НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗА ПО ВОПРОСАМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ33	Topildiev V.R. CRITERIA FOR THE CLASSIFICATION OF CIVIL ORGANIZATIONAL AND LEGAL COMMUNICATIONS .45
Gulamov S.S., Shermukhamedov A.T. NEW POSSIBILITIES OF INTERNET OF THINGS35	

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ КАК ОСНОВАНИЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

Кочepasова Анна Юрьевна

*аспирант кафедры социологии коммуникаций
и управления на базе администрации
Энгельского муниципального района
Саратовского национального исследовательского
государственного университета
имени Н.Г.Чернышевского
г. Саратов*

VALUE AND NORMATIVE ATTITUDES AS THE BASIS OF REPRODUCTIVE STRATEGIES

Kochepasova Anna

*post-graduate student of Sociology of
Communications and Management Department
on the basis of Engels Municipal District administration
Saratov State University
named after N. G. Chernishevskiy, Saratov*

Аннотация

В статье проводится сравнительный анализ ценностно-нормативных установок индустриального (советского) и постиндустриального (постсоветского) обществ. В заключении делается вывод о том, что нормативно-ценностные установки человека постиндустриального общества постепенно приводят к тому, что институт традиционной семьи отмирает. На смену ему приходят репродуктивные стратегии, в качестве идеала предполагающие партнерскую семью, свободные отношения (сожительство) или монородительскую семью. При этом, обладая значительной свободой, постиндустриальный индивид готов также полностью отказаться от сексуальной активности и рождения детей в пользу «жизни для себя».

Abstract

The article presents a comparative analysis of the value-normative attitudes of industrial (Soviet) and post-industrial (post-Soviet) societies. There is a conclusion that a person's value-normative attitudes in a post-industrial society gradually lead to the extinction of the traditional family institution. It is replaced by reproductive strategies where there is an ideal suggesting a partner family, free relations (cohabitation) or a mono-parent family. At the same time the post-industrial individual, having some *considerable freedom*, is also ready to completely abandon sexual activity and the children's birth in favor of the "life for himself."

Ключевые слова: индустриальное общество, постиндустриальное общество, ценностно-нормативные установки, репродуктивные стратегии, семья, традиция.

Key words: industrial society, post-industrial society, value-normative attitudes, reproductive strategies, family, tradition.

Определяя понятие репродуктивных стратегий, следует отделить его как от понятия репродуктивных установок (ориентаций), так и от более общего понятия репродуктивного поведения. На наш взгляд, репродуктивные стратегии отличаются от установок тем, что они представляют собой более или менее целостный план, в общих чертах определяющий специфику репродуктивного поведения. Репродуктивные установки, в свою очередь, являются ценностно-нормативным основанием, на котором базируются соответствующие стратегии. Установки могут иметь неосознанный характер и в силу этого репродуктивные стратегии формируются на основе того, что представляется индивиду очевидным. При этом важно учитывать, что ценностно-нормативные установки являются не природным феноменом, но представляют собой часть культурной традиции. Принимая это во внимание,

проанализируем различия в ценностно-нормативных установках индустриального (советского) и постиндустриального (современного российского) обществ.

Прежде всего, отметим различия в восприятии физического пространства и в отношении к нему. Если советское общество можно назвать пространственно закрытым, то современное российское является открытым. Это означает, что советский человек ощущал себя субъектом, принадлежащим определенной территории, в то время как современный россиянин чувствует себя гражданином мира. «Конец географии», провозглашенный П. Вирилио [1], повлиял на самосознание человека, превратив его в кочевника,номада, ищущего приключений туриста.

С принадлежностью человека определенной территории связана одна из доминирующих ценностей советского общества – ценность

коллектива и, в частности, семьи. В советской культуре создание семьи является важнейшим этапом жизненного пути индивида, без наличия которого данный путь представлялся неполным. Советская власть всеми силами боролась за сохранение семьи. Разводы и даже семейные ссоры выносились на обсуждение рабочего коллектива, по причине чего были достаточно редким явлением. При этом ответственность за «аморальное поведение», как правило, нес мужчина, в то время как «спасение» брака возлагалось на женщину: «Действительно, именно на женщин возложена роль моральных агентов, они спасают брак, следуя нормам традиционной морали. В послевоенные 1940-60-е годы в целом по стране количество женщин репродуктивного возраста почти в два раза превышало количество мужчин. Естественно, это сказалось на либерализации нравственных установок – более терпимому отношению к одинокому материнству и внебрачным связям, но не изменило ситуации отсутствия мужа как нарушение нормативности» [2, с. 283].

В противоположность этому постиндустриальная культура на первый план выдвигает ценность индивидуализма, в связи с чем особую значимость обретает «жизнь для себя» или «своя жизнь»: «Как было показано, категория «своя жизнь»/самореализация обозначает не столько построение карьеры и не относится к проблеме заработка. Она связана в нарративах респондентов с двумя [...] группами смыслов – постоянного/бесконечного развития и, в еще большей мере, желания освоить или хотя бы по возможности почувствовать многообразие сегодняшнего мира» [3, с. 96]. Если советский человек не представлял себе иной возможности самореализации кроме как в рамках коллектива, современный человек старается не связывать себя долгосрочными обязательствами, и стратегия создания традиционной семьи постепенно уступает место стратегии формирования либо партнерства (партнерская семья), либо свободных отношений (сожительства). Это особенно касается молодежи, по мнению исследователей стремящейся к свободному самовыражению посредством культуры и зачастую отрицающей устаревшие по ее мнению социальные институты: «Молодежь ищет пространства для культурного самовыражения, а государство различными способами продолжает навязывать ей политические идентичности. Самые важные изменения происходят, на мой взгляд, не в политической, а в культурной борьбе: в области перераспределения права на культурное доминирование, содержание (мотивация, направленность) современных молодежных «протестов» связаны не с политической, а с культурной властью» [4, с. 152].

Параллельно с процессом культурного самовыражения мы наблюдаем в молодежной среде и процесс отказа от традиционных культурных ценностей. Некоторые исследователи считают, что

по количеству нарушений нравственных заповедей ("не убий", "не укради", "почитай родителей", "не отчаивайся") можно ретроспективно судить о степени повреждения духовной сферы общества: «Единицами измерения способны служить данные официальной статистики о проступках, которые считаются нарушением перечисленных моральных норм: убийства, грабежи, брошенные родители или дети, самоубийства и др. Там, где социальные аномалии встречаются чаще, уровень духовного неблагополучия выше» [5].

На настоящее время наибольший интерес исследователей вызывает «поколение Z», т.е. молодые люди, родившиеся, начиная с 1995 г. На основании социально-демографического исследования, охватившего территории Российской Федерации и ближнего зарубежья, авторы делают следующие выводы: «Представители «поколения Z» обнаруживают отличия иерархии ценностных предпочтений от системы ценностей предшествующих поколений. Наиболее характерной для них является приоритетность самостоятельности и независимости, на уровне нормативных идеалов определяющая направленность на ценности «самовозвышения», на уровне индивидуальных приоритетов – открытость к изменениям. Значимость уважения традиций занимает в их ценностной иерархии последнее место на обоих уровнях» [6, с. 61]. Авторы справедливо отмечают, что расположение выявленных ценностей в иерархии будет зависеть от множества факторов (региона, национальности респондента, его отношения к религии и т.п.). Обратим также внимание на то, что значимость уважения к традициям находится у представителей «поколения Z» на последнем месте. Для данного исследования это означает, что на последнем месте находится и традиционная семья с четко распределенными в ней мужскими и женскими обязанностями.

В советской культуре семья являлась ценностью не сама по себе, но при условии наличия в ней одного или более детей. Классики марксизма прямо указывали на то, что семья – это такое же производство, как производство идей или материальных благ: «Третье отношение, с самого начала включающееся в ход исторического развития, заключается в том, что люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это – отношение между мужем и женой, родителями и детьми – семья» [7, с. 19]. Не связывая себя долгосрочными обязательствами, современный человек не усматривает в детях особой ценности, по причине чего во многих странах набирает силу движение «child free». Благодаря обретению пространственной свободы, возможностей самореализации вне коллектива и развитию медицинских технологий, постиндустриальный человек получил и возможность как можно дольше «пожить для себя», в связи с чем рождение ребенка зачастую либо

откладывается на неопределенный срок, либо не реализуется вообще.

Отметим, что медицинские технологии дали постиндустриальному субъекту возможность значительно продлить срок своей молодости (как во внешнем облике, так и в психологическом самоощущении). Одним из достижений постиндустриального общества является то, что молодость теперь не зависит от биологического возраста: «Сама для себя из молодости я еще не вышла и, полагаю, не выйду еще некоторое время. Слишком уж привлекателен растиражированный и уже устоявшийся образ молодости [...]». Безусловно, тезис о разрушении «ассоциации между молодостью и возрастом» ныне вполне справедлив» [8, с. 457-458]. Ощущая себя молодой и свободной, современная женщина при желании может осуществить любую репродуктивную стратегию, в том числе и монородительскую (стратегию «матери-одиночки»), особенно при наличии достаточного уровня материальной обеспеченности.

Тот факт, что на место ценности производства в постиндустриальном обществе приходит ценность потребления, не подлежит сомнению. Это столь же верно, как и то, что на смену советскому аскетизму приходит постсоветский гедонизм. Отмеченный ценностный сдвиг приводит в итоге к тому, что индивид сам становится ребенком, пользующимся плодами чужого труда и не нуждающимся ни в собственных детях, ни в интимной близости как таковой. Помимо движения «child free» в ряде стран (в том числе России) постепенно развивается движение, представители которого осуществляют полный отказ от сексуальной жизни.

В заключении следует сделать вывод о том, что нормативно-ценностные установки человека постиндустриального общества постепенно приводят к тому, что институт традиционной семьи отмирает. На смену ему приходят репродуктивные стратегии, в качестве идеала предполагающие партнерскую семью, свободные отношения (сожительство) или монородительскую семью. При этом, обладая значительной свободой, постиндустриальный индивид готов полностью отказаться от сексуальной активности и рождения детей в пользу «жизни для себя».

SOCIAL KNOWLEDGE: THE AMBIVALENCE OF DEVELOPMENT MODELS

Mamedov Agamali Kulamovich

*doctor of Sociological Sciences, professor
Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Moscow, Russia*

[DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.275](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.275)

Annotation

The article declares the position of dissensus and consensus as basic models for the development of social sciences. The demarcation of natural sciences and social sciences is carried out. Attempts are being made to identify the features of "acceptance" by the scientific community. The article analyzes L. Laudan's concept of consensus in modern social knowledge.

Keywords: dissensus, consensus, convention, epistemology, agreement, foundation, scientific communication.

Литература:

1. См. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / П. Вирилио/ - М.: ИТДГК «Гнозис», Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 192 с.
2. Жидкова Е. Практики разрешения семейных конфликтов в 1950-60-е годы: обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки/ Е. Жидкова // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 283.
3. Забаев И. «Своя жизнь», образование, деторождение: мотивация репродуктивного поведения в современной России/ И. Забаев// Вестник общественного мнения. № 3 (105). 2010. С. 87-97. С. 96.
4. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности/ Е.Л. Омельченко // Журнал исследований социальной политики. Т. 4. № 2. 2006. С. 152.
5. Гундаров И. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа/ И. Гундаров. – Электронный ресурс. Режим доступа: http://gorizontsobytij.ucoz.ru/publ/dukhovnoe_neblagopoluchie_i_demograficheskaja_katastrofa/2-1-0-127
6. Яницкий М.С. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты/ М.С. Яницкий, А.В. Серый, О.А. Браун, Ю.В. Пелех, О.В. Маслова, М.В. Сокольская, Р.Д. Санджаева, А.Р. Монсонова, С.Б. Дагбаева, Ю.Ю. Неякина, Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46-67. С. 61.
7. Маркс К. Немецкая идеология/ К. Маркс, Ф. Энгельс – М.: Партиздат, 1934. С. 19.
8. Бредникова О. Там же. Бредникова О. «Старородящая» молодая мать (институциональные игры с категориями возраста)// Новый быт современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 456-472. С. 457-458.

The global crisis, into which the world is rapidly "rolling", once again raises the question of the effectiveness of social cognition, the soundness of conclusions and the reality of forecasts. The fragmentation of the social sciences, their unfounded claim to methodological universality and totality, inevitably actualizes the question of the nature of social cognition, the criteria of scientific character, optics and the generally accepted scale of measurement. Unlike natural science, where the convention for the choice of units of measurement is in most cases trivial and is often carried out by default, in social cognition, the adoption of such conventions becomes a problem for the scientific community to accept new knowledge, acculturation of knowledge, the foundation of its conclusions, as well as translation of qualitative properties and characteristics into quantitative parameters. With all the awareness of that huge step in the development of the social sciences, accomplished by the positivists, in particular, O. Comte and G. Spencer, we note that they themselves, criticizing, often unfairly and superficially, the preceding social science, did not depart far from them in terms of claims on a universal methodology. An attempt to incorporate social knowledge into natural science, replacing metaphysical (in the literal sense) concepts with positivism, and very naive, led not only to the denial of the great heritage of the classics, but also to ignoring the subject of knowledge, his attitudes and values. Subsequently, this problem had to be solved in neo-Kantianism, first of all, by Wilhelm Windelbandt. So, in specific sociological studies, qualitative characteristics (for example, prestige, social belonging, opinion and needs) do not have uniform measurement standards accepted by the entire community, because the content of these concepts is very wide and heterogeneous. And the inherent characteristics are very personal in nature. They (the specified parameters) are constructed in accordance with the nature of the object under study and according to the hypothesis of the research, and, consequently, the personal attitude of the scientist. The practical possibilities of measurements essentially depend on the ability of the researcher to find and substantiate (not only for himself) a reliable measurement procedure, to achieve its acceptance in the nearest expert community [7]. So, in particular, the most important procedure for constructing a measurement scale and its founding includes involuntarily conventional points that require a qualitative classification of objects (within the framework of the research concept), highlighted in the qualitative analysis of properties, identifying empirical indicators of object properties that can be ranked, etc. Even this method specific sociological research as content analysis also needs to translate qualitative information "into the language of counting", because it must be accepted and verified. The conventional aspects here also increase significantly in connection with such an important factor as the ideological principles and attitudes that underlie the selection and isolation of the objects of analysis. At the same time, both the "costs" of unreasonable and hasty agreements and the corresponding methods of their prevention and

withdrawal are especially evident here. In particular, methods of checking the measurement procedure for reliability have been developed and are being improved, which is determined by three criteria: validity, stability and accuracy of the scale; for the measurement procedure, the principles of utility and pragmatics are formulated (the measurement system must certainly correspond to the object of measurement, the standard and units of measurement must accurately record the properties and characteristics of the object determined by the research program itself). These methods are implemented in a specific study based on empirical material, only in this way is the approbation of the accepted conventions possible and widely used here. In general, it should be noted that the uncertainty and ambiguity of the introduced conventions is largely due to the lack of a developed and acculturated conceptual apparatus for the transition from theoretical constructs to empirical material [8].

The specificity of social and humanitarian cognition, which is difficult to quantify, the introduction of rigorous mathematical methods, as well as experimental verification, are especially manifested in attempts at the now fashionable computer modeling. Interesting in this regard are the developments of scientists in the field of engineering linguistics and machine translation, whose accumulated rich material is very important for understanding the nature of humanitarian knowledge, the features of its methods, including conventions, in particular in linguistic sciences. The experience of linguistic research revealed that one of the main (if not the most important) difficulties in the work of scientists was the absence or too narrow field of a well-grounded and accepted methodological apparatus in the scientific community that made it possible to correctly apply fundamental theories or even paradigms to a specific linguistic material in applied research. The impossibility of checking the correspondence of the theory to the real state of affairs led to the fact that linguists were forced to rely on several, often mutually exclusive hypotheses, violating the logic and methodology of the study. It is obvious that in this case the problem of convention arises, first of all, as a problem of choosing a hypothesis (theory) and the concept underlying it; the criterion for such a choice is, at best, formal truth. Thus, it is obvious that scientific search, in the social sciences, is impossible without the conventional choice of a hypothesis (operationally interpreted concepts, units and methods of measurement, that is, the entire optics of research) as a "working", since there is no conceptual and operational apparatus of application theories to empirical concrete material and it is impossible to directly (experimentally) test the conformity of the hypothesis to the state of affairs [6].

A similar situation takes place in sociological research, where the a priori accepted "one-thread" (B. Khazanov's term) theoretical propositions often generate very unusual conclusions. The marginal intelligible constructs generated in the minds suddenly gave rise to global and all-encompassing conclusions. Hence, a methodological requirement arises, which is

more and more realized by humanities researchers: a constant critical analysis of the foundations of hypotheses, the testing of explicit or implicit conventions included in them, a conscious overcoming of the tendency to elevate the content of such agreements to the rank of objective laws is necessary. Consensus in cognitive activity, reflecting its communicative nature, can receive the status of scientific concepts, hypotheses, methods, in essence, only with their collective acceptance. As the British researcher S. Toulmin noted, an individual initiative can lead to the discovery of new truths, the development of new concepts is a purely collective matter. The new proposal will be worthy of experimentation and early development once it is collectively considered worthy of attention. The statement of these facts necessarily actualizes the problem of the adoption and functioning of conventions in conditions of professional consent (consensus) or disagreement (dissensus). Consensus is understood as the degree of consolidation, consistency in the scientific community regarding cognitive standards, ontological prerequisites, and the system of value orientations in general. Consent (disagreement, mismatch) is investigated as a kind of communication mechanism in a variety of functions, one of which is to be the logical basis for the development of scientific knowledge, which is also important for understanding the nature of social science. In particular, the methodological consensus is the adoption of conventions on cognitive standards for the choice of the central, priority problem, the premises of its research, acceptable theoretical approaches, methods and techniques, and useful techniques. By itself, a high degree of consensus does not guarantee the effectiveness of research if the unanimously adopted conventions are of a trivial nature and stand aside from the fundamental substantive problems. Consequently, the influence of consensus on the development of knowledge significantly depends on the nature of the methodology itself, conventionally chosen by the researchers.

In the humanities, many meanings and interpretations of the results of empirical research are usually offered, scientists tend to offer their own interpretation of observations each time. This suggests that one should always bear in mind the possible discrepancy between the adopted conventions and the consensus - in general, a fairly widespread occurrence of such a situation, which is not at all irrational or unproductive. Often in modern epistemology of science (K. Popper, P. Feyerabend, T. Kuhn, etc.), either the problem of explaining the high degree of agreement that is achieved in the science of the 20th century (40-50s), or the phenomenon of disagreements and bifurcations in science and their rational resolution (60-70s). Most likely, the high degree of agreement in the 40-50s is explained by the general global task of explaining the phenomenon of totalitarianism. The general object of research has generated a certain time period of the "model" consensus. Further social development gave rise to other models. But at the same time, it is obvious that there is a need for some unified

theory explaining the emergence and mutual transition of consensus and dissensus in science. The solution to this dilemma is offered by the famous American sociologist Larry Laudan in his work *Science and Values*, who claims that in the humanities and social sciences, the differences are of the nature of an "epidemic", while in natural science, most scientists agree, at least on the fundamental components knowledge (even earlier T. Kuhn expressed a similar idea). Traditionally, it was believed that disagreement only arises if the evidence of fact is relatively weak and incomplete and it is enough to involve additional evidence or appropriate rules - and agreement will be reached. Laudan postulates that the problem should be considered at the "intersection between the works of philosophers and sociologists", since agreement, in particular when choosing a theory, develops not only in relation to the fact, but also in (first of all) the relation of methodological and axiological justification, which was written about neo-Kantians. In addition, it is necessary to take into account that the classical tendency to regard consensus as a condition of rationality, and dissensus as a condition of irrationality, is undermined by a number of factors actually acting in science. According to Laudan, there are four of them in general: scientific research is constantly in a situation of discussion, which is their inherent property; the relationship between theories can be defined by the "incommensurability thesis"; there are situations of "underdetermination" of theories by empirical data; finally, successful research activity in a "state of dissensus" is possible, and scientists who had high achievements most often violated the established norms. It follows from this that the consensus model, as a rule, is incomplete and does not correspond to the dynamics of real science; rather, dissensus is its attribute and marker. The dominant model of any scientific justification is hierarchical: at the lower level, the "factual" (factual consensus) is discussed, then generally accepted methodological rules as a means of achieving the goals of science (methodological consensus), and finally, the consensus of values and goals. The latter is either not recognized or not taken into account, since it has always been assumed that the values and goals of research are the same and equally understood by all. This model "postulates a unidirectional ladder of reasoning" from goals to factual statements, whereas in real science, reasoning goes in any conceivable field, linking goals, methods and results. Laudan is convincing in the assertion that there are no privileged levels, axiology, methodology and factual statements inevitably interact and intertwine. Consideration in the integrity of all three levels expresses the essence of the "network model" of scientific rationality, which makes it possible to understand the variety of their combinations that underlie consensus or dissensus. The network model expands the understanding of scientific rationality, not only linking it with a consensus on the goal, facts or methods, and even more so because there is a constant "shift in cognitive values", theories and methods change, accordingly, new conventions are applied, old ones are excluded, consensus and dissensus always

exist, complementing each other and reflecting the general communicative nature of science. These ideas can become the basis for further study of the problem of conventionality as a consequence of communicative relations in scientific knowledge [2].

References:

1. Weber M. On some categories of understanding sociology // He. Fav. works. M, 1990.
2. Volnistaya M.G., Mamedov A.K. Scientific communications in the system of reproduction of knowledge // Scientific journal Higher School (Republic of Belarus). - 2018. - No. 3. - P. 43–48.
3. Kuhn T. The structure of scientific revolutions / Per. OF. Naletova. - M.: Progress, 1977.
4. Laudan L. Science and values // Modern philosophy of science: knowledge, rationality, values in the works of Western thinkers: a reader. M., 1996.
5. Mamedov A.K. Architecture of scientific knowledge (analysis of methodological foundations) // Sociology. - 2017. - No. 3. - P. 48–57.
6. Mamedov A.K. Logic of social knowledge (Popper vs Marx) // Sociology. - 2016. - No. 3. - P. 8–19.
7. Mamedov A.K. Epistemology of social knowledge. - CANON + Moscow, 2017.
8. Poser X. Rules as forms of thinking. About truth and conventions in sciences // Reason and Existence. Analysis of scientific and non-scientific forms of thinking. SPb., 1999.
9. Popper K. Logic and the growth of scientific knowledge: Fav. work. M., 1983.
10. Popper K. Open society and its enemies. Vol. 1. Enchantment of Plato. M., 1992. Poincaré A. About science. M., 1983.
11. Sapir E. Selected works on linguistics and cultural studies. M., 1993. Chudinov E.M. The nature of scientific truth. M., 1977.
12. Poisons V.A. Sociological research (methodology, program, methods). M., 1972.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПСЕВДОЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ АЭРОПОРТОВ МВЛ: ФОРМАЛЬНЫЕ ДЕФЕКТЫ НАУЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ

Леонтьев Рудольф Георгиевич

*д-р экон. наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
главный научный сотрудник
Хабаровского федерального исследовательского центра ДВО РАН,
г. Хабаровск, Российская Федерация*

PSEUDO-CONCLUSION ON RESEARCH OF AIRPORTS MVL: FORMAL DEFECTS OF SCIENTIFIC CERTIFICATION

Leontyev Rudolf Georgievich

*Dr. econ. Sci., Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation,
Chief Researcher Khabarovsk Federal Research Center of the Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Khabarovsk, Russian Federation*

DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.269

Аннотация

В статье рассмотрены допущенные на стадии формулирования и принятия заключения по диссертационному исследованию менеджмента аэропортами местных воздушных линий дальневосточного региона в организации, где оно выполнялось, нарушения требований документов, регламентирующих государственную научную аттестацию в Российской Федерации.

Annotation

The article discusses violations of the requirements of documents governing state scientific certification in the Russian Federation, admitted at the stage of formulating and adopting a conclusion on the dissertation research on the management of airports of local airlines in the Far Eastern region in the organization where it was carried out.

Ключевые слова: Менеджмент аэропортами, местные воздушные линии, государственная научная аттестация, диссертация, организация, где она выполнялась, заключение по исследованию.

Key words: Airport management, local airlines, government scientific certification, dissertation, organization where it was performed, research conclusion.

Все всё прекрасно понимают, но не желая
прослыть глупцами, позволившим одурачить
себя, усердно рисуют на сером холсте
какое-то подобие празднества.

Кобо Абэ

Настоящая работа является третьей в цикле статей, посвященных развенчанию представленного в федеральных документах государственной научной аттестации мифа об отсутствии нарушений в процессе подготовки и рассмотрения некой диссертации и соответствующего аттестационного дела. Для реализации этой цели экспертным путем выявлены различные нарушения требований указанных документов, допущенные при подготовке и рассмотрении диссертации в выпускающей организации, случаи несоблюдения критериев, которым должна отвечать диссертация, и порядка ссылок на источники заимствованных материалов, а также дефекты предварительного рассмотрения исследования соискателя в диссертационном совете, подготовки к заседанию совета по защите диссертации, собственно защиты диссертации,

оформления аттестационного дела, его экспертизы и рассмотрения в Минобрнауки России. Знакомство читателей с настоящей статьей позволит им лучше понять, что же иногда действительно происходит в российской сфере государственного регулирования научной аттестации.

Итак, 15 мая 2012 года на заседании диссертационного совета ДМ 223.005.02 при МГУ им. Г.И. Невельского произошла "защита" диссертации Милой Александры Витальевны «Управление инфраструктурой аэропортов малой интенсивности полетов» по специальности 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами: транспорт)».

Ранее на стадии формулирования и принятия заключения по диссертационному исследованию Милой А.В. в организации, где оно выполнялось, - Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Дальневосточный государственный университет

пути сообщения» (ДВГУПС) - был допущен целый ряд следующих необоснованных нарушений.

Нарушение 19. Еще раньше 23 декабря 2010 года на заседании кафедры «Менеджмент» ДВГУПС (выписка из протокола № 8, не утвержденная ректором университета) состоялась «предварительная защита диссертации аспиранта 3-го года обучения Милой» «Государственно-частное партнерство в сфере управления инфраструктурой воздушного транспорта». После, как свидетельствуют некоторые сотрудники кафедры "Менеджмент" ДВГУПС, диссертация Милой А.В. на заседании данной кафедры больше не обсуждалась.

Налицо - факт нарушения сотрудниками кафедры «Менеджмент» ДВГУПС Комаровой В.В. и Третьяком С.Н. требования по пункту 3.6.1 (подпункт «е») «Положения о совете по защите докторских и кандидатских диссертаций», утвержденного приказом Минобрнауки России от 9 января 2007 года № 2, в соответствии с которым *«заключение организации где выполнялась диссертация... оформляется в виде выписки из протокола заседания соответствующего учебного... структурного подразделения... утверждается руководителем организации...».*

Нарушение 20. Как уже сообщалось в монографии [1, с. 39-41], в конце декабря 2011 года диссертация Милой А.В. *«Управление инфраструктурой аэропортов малой интенсивности полетов»* при прямом содействии проректора по научной работе ДВГУПС Серенко А.Ф. была отведена Милой и Комаровой в диссертационный совет ДМ 223.005.02 при МГУ им. Г.И. Невельского (г. Владивосток), в составе которого, по понятным причинам, напрочь отсутствуют специалисты воздушного транспорта.

При этом следует напомнить, что «диссертационное исследование» работника и аспиранта ДВГУПС Милой было выполнено на кафедре "Менеджмент" ДВГУПС (г. Хабаровск), в составе которого есть факультет воздушных сообщений. Поэтому эта диссертация вполне могла защищаться ею на месте, не выезжая в другой город. В том же родном ДВГУПС, где действовал диссертационный совет ДМ 218.003.05 по той же специальности 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством (транспорт)».

Вместе с тем вопреки установленным требованиям (подробнее об этом ниже) диссертация Милой по инициативе и настоянию ее «научного консультанта» Фисенко А.И. была принята диссертационным советом ДМ 223.005.02 при МГУ им. Г.И. Невельского к защите без положенного предварительного рассмотрения. Более того автореферат диссертации Милой А.В. (первый вариант, подписанный в печать 27.12.2011 г. и напечатанный в издательстве ДВГУПС) был размещен на сайте МГУ им. адм. Г.И. Невельского в конце декабря 2011 года. Причем в этом варианте автореферата были уже обозначены дата защиты 20 марта 2012 года, официальные оппоненты Латкин А.П. и Панченко В.И. и в качестве ведущей

организации - «Московский институт инженеров транспорта (МИИТ)».

Как отмечалось выше, 23 декабря 2010 года на заседании кафедры «Менеджмент» ДВГУПС (выписка из протокола № 8) состоялась «предварительная защита диссертации аспиранта 3-го года обучения Милой». *«Государственно-частное партнерство в сфере управления инфраструктурой воздушного транспорта».* А в конце декабря 2011 года в диссертационный совет ДМ 223.005.02 при МГУ им. Г.И. Невельского диссертация Милой поступила под другим названием - *«Управление инфраструктурой аэропортов малой интенсивности полетов».*

Налицо - факт нарушения сотрудниками кафедры «Менеджмент» ДВГУПС Комаровой В.В. и Третьяком С.Н. пункта 48 "Положения о подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования Российской Федерации", утвержденного приказом Минобрнауки России от 27 марта 1998 года № 814. Поскольку в соответствии с этим пунктом «темы диссертаций утверждаются ректорами (ученым советом) высших учебных заведений... по представлению кафедр...».

Нарушение 21. Поскольку руководство диссертационного совета ДМ 223.005.02 при МГУ им. Г.И. Невельского при оголтелом давлении заместителя председателя этого совета Фисенко приняло к защите диссертацию Милой А.В. без предварительного рассмотрения и разместило первый вариант ее автореферата на сайтах университета и Минобрнауки России, то налицо – факт нарушения требования пункта 12 (абзац 1) «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475). Этот пункт гласит, что *«организация, где выполнялась диссертация... дает заключение по диссертации».* Ведь такого заключения ДВГУПС по диссертации Милой в конце декабря 2011 года не было.

Нарушение 22. Поскольку руководство диссертационного совета ДМ 223.005.02 при МГУ им. Г.И. Невельского по оголтелом давлении заместителя председателя этого совета Фисенко приняло к защите диссертацию Милой А.В. без предварительного рассмотрения и разместило первый вариант ее автореферата на сайтах университета и Минобрнауки России, то налицо – факт нарушения требования по пункту 3.6.1 (подпункт «е») «Положения о совете по защите докторских и кандидатских диссертаций», утвержденного приказом Минобрнауки России от 9 января 2007 года № 2, в соответствии с которым *«заключение организации, где выполнялась диссертация... оформляется в виде выписки из протокола заседания соответствующего учебного... структурного подразделения... утверждается руководителем организации...».*

Ведь такого заключения ДВГУПС по диссертации Милой в конце декабря 2011 года не было.

Нарушение 23. Поскольку руководство диссертационного совета ДМ 223.005.02 при МГУ им. Г.И. Невельского по оговорке давлению заместителя председателя этого совета Фисенко приняло к защите диссертацию Милой А.В. без предварительного рассмотрения и разместило первый вариант ее автореферата на сайтах университета и Минобрнауки России, то налицо – факт нарушения требования пункта 12 (абзац 2) «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), в соответствии с которым *«заключение должно быть выдано соискателю не позднее 2 месяцев со дня представления диссертации на соискание ученой степени кандидата наук»*. Ведь такого заключения ДВГУПС по диссертации Милой в конце декабря 2011 года не было и поэтому, естественно оно у соискателя не имелось.

Нарушение 24. Поскольку руководство диссертационного совета ДМ 223.005.02 при МГУ им. Г.И. Невельского по оговорке давлению заместителя председателя этого совета Фисенко приняло к защите диссертацию Милой А.В. без предварительного рассмотрения и разместило первый вариант ее автореферата на сайтах университета и Минобрнауки России, то налицо – факт нарушения требования пункта 13 (абзац 1) «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), в соответствии с которым *«диссертационный совет принимает диссертацию к предварительному рассмотрению при наличии документов, предусмотренных перечнем»* Минобрнауки России. Ведь такого заключения ДВГУПС по диссертации Милой в конце декабря 2011 года не было и, естественно, оно не имелось у диссертационного совета.

Нарушение 25. Поскольку руководство диссертационного совета ДМ 223.005.02 при МГУ им. Г.И. Невельского по оговорке давлению заместителя председателя этого совета Фисенко приняло к защите диссертацию Милой А.В. без предварительного рассмотрения и разместило первый вариант ее автореферата на сайтах университета и Минобрнауки России, то налицо – факт нарушения требования по пункту 3.6.1 «Положения о совете по защите докторских и кандидатских диссертаций», утвержденного приказом Минобрнауки России от 9 января 2007 года № 2, в соответствии с которым *«диссертационный совет принимает к предварительному рассмотрению диссертацию... при представлении соискателем следующих документов: ... е) заключение организации, где выполнялась диссертация...»*. Ведь такого

заключения ДВГУПС по диссертации Милой в конце декабря 2011 года не было.

Нарушение 26. Поскольку руководство диссертационного совета ДМ 223.005.02 при МГУ им. Г.И. Невельского по оговорке давлению заместителя председателя этого совета Фисенко приняло к защите диссертацию Милой А.В. без предварительного рассмотрения и разместило первый вариант ее автореферата на сайтах университета и Минобрнауки России, то налицо – факт нарушения требования по пункту 3.6.2 «Положения о совете по защите докторских и кандидатских диссертаций», утвержденного приказом Минобрнауки России от 9 января 2007 года № 2, в соответствии с которым *«диссертационный совет создает комиссию... для ознакомления с диссертацией и представления совету заключения о ее соответствии специальностям...»*. Ведь при отсутствии одного из важнейших «документов» по диссертации Милой диссертационный совет в конце декабря 2011 года не имел права ни создавать указанную «комиссию», ни определять «ее соответствие специальности», которая неправомерно была отражена на обложке первого варианта ее же автореферата.

Нарушение 27. Поскольку руководство диссертационного совета ДМ 223.005.02 при МГУ им. Г.И. Невельского по оговорке давлению заместителя председателя этого совета Фисенко приняло к защите диссертацию Милой А.В. без предварительного рассмотрения и разместило первый вариант ее автореферата на сайтах университета и Минобрнауки России, то налицо – факт нарушения требования по пункту 3.6.5 (абзац 2) «Положения о совете по защите докторских и кандидатских диссертаций», утвержденного приказом Минобрнауки России от 9 января 2007 года № 2, в соответствии с которым *«диссертационный совет при принятии диссертации к защите назначает официальных оппонентов, ведущую организацию, дату защиты, ..., разрешает печатание ... автореферата...»*. Ведь при отсутствии одного из важнейших «документов» по диссертации Милой диссертационный совет в конце декабря 2011 года не имел права все это делать. Однако на оборотной стороне первого варианта автореферата диссертации Милой все указанные атрибуты (вплоть до «даты защиты» - «20 марта 2012 года») хотя и неправомерно, но все-таки были отражены.

Нарушение 28. Поскольку руководство диссертационного совета ДМ 223.005.02 при МГУ им. Г.И. Невельского по оговорке давлению заместителя председателя этого совета Фисенко приняло к защите диссертацию Милой А.В. без предварительного рассмотрения и разместило первый вариант ее автореферата на сайтах университета и Минобрнауки России, то налицо – факт нарушения требования по пункту 3.6.7 (абзац 3) «Положения о совете по защите докторских и кандидатских диссертаций», утвержденного приказом Минобрнауки России от 9 января 2007 года № 2, в соответствии с которым *«при принятии»*

к защите кандидатской диссертации диссертационный совет размещает на официальном сайте организации, при которой он создан, в сети Интернет... автореферат...». Ведь при отсутствии одного из важнейших «документов» по диссертации Милой диссертационный совет в конце декабря 2011 года не имел права все это делать.

Нарушение 29. В приложении № 7 «Положения о совете по защите докторских и кандидатских диссертаций», утвержденного приказом Минобрнауки России от 9 января 2007 года № 2, определена форма «обложки автореферата», на оборотной стороне которой, в частности должны быть указаны ученая степень, ученое звание, фамилия, имя и отчество каждого из официальных оппонентов. В связи с этим на оборотной стороне обложки первого варианта автореферата диссертации Милой был обозначен «официальный оппонент - кандидат экономических наук, *доцент* (!?) Панченко В. И. Однако, на момент подписания первого варианта автореферата диссертации Милой в печать (27 декабря 2011 года) к.э.н., Панченко В.И., обозначенный официальным оппонентом, *не имел ученого звания «доцент»*.

Налицо – факт нарушений пункта 18 (абзац 1) «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), пункта 3.6.5 (абзац 2) и приложения № 7 «Положения о совете по защите докторских и кандидатских диссертаций», утвержденного приказом Минобрнауки России от 9 января 2007 года № 2, в виде представленного в первом варианте автореферата Милой фальсифицированного ученого звания «доцент» официального оппонента Панченко В.И.

Нарушение 30. Как подробно описывается в монографии [1, с. 39-50], в первом варианте автореферата диссертации аспиранта ДВГУПС Милой от 27 декабря 2011 года были выявлены неправомерные заимствования из похищенных ею официальных материалов правительства Хабаровского края [2,3], незаконное присвоение схем и табличных данных из других библиографических источников [4-6]. Факты неправомерного цитирования, допущенных Милой в первом варианте автореферата, в монографии [1] не рассматривались, поскольку он не был отправлен в Минобрнауки России в аттестационном деле соискателя. Налицо – факты неоднократных неопровержимых нарушений соискателем Милой и ее «наставниками» Комаровой и Фисенко требований пункта 11 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475).

Нарушение 31. Как уже было отмечено в монографии [1, с. 50], согласно требованиям пункта 11 (абзац 4) «Положения о порядке присуждения

ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), использование Милой чужого материала без ссылок на источник заимствования (плагиата) требовало снятия ее диссертации «Управление инфраструктурой аэропортов малой интенсивности полетов» с рассмотрения диссертационным советом без права ее повторной защиты. Однако, диссертационный совет при МГУ им. адм. Г.И. Невельского, несмотря на поступившие его руководству от членов этого совета сигналы об обнаружении плагиата в автореферате Милой, не сделал этого.

Нарушение 32. Вместе с тем [1, с. 50] согласно требованиям пункта 3.7.10 «Положения о совете по защите докторских и кандидатских диссертаций», утвержденного приказом Минобрнауки России от 9 января 2007 года № 2, использование Милой чужого материала без ссылок на источник заимствования (плагиата) требовало снятия ее диссертации с рассмотрения диссертационным советом без права ее повторной защиты. Однако, диссертационный совет при МГУ им. адм. Г.И. Невельского, несмотря на поступившие его руководству от членов этого совета сигналы об обнаружении плагиата в автореферате Милой, не сделал этого.

Нарушение 33. В аттестационном деле Милой (атт. дело № 09/4-9160 К 29.06.2012 – 30.11.2013; совета при Морском государственном университете имени адмирала Г.И. Невельского, 15 мая 2012 года, № 4) имеется поступившее в «диссертационный совет ДМ 223.005.02 при Морском государственном университете им. адм. Г.И. Невельского» так называемое «ЗАКЛЮЧЕНИЕ Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Дальневосточного государственного университета путей сообщения» (на 6-и листах) как «организации, где выполнялась диссертация» соискателя ДВГУПС Милой А.В.

Этот документ государственной научной аттестации утвердил 20 января 2012 года «проректор по научной работе Дальневосточного государственного университета путей сообщения» А.Ф. Серенко, а подписал «заведующий кафедрой «Менеджмент», к.э.н., доцент» (ДВГУПС) С.Н. Третьяк.

Здесь прежде всего следует отметить, что де факто недостоверность и де юре ничтожность завышенного и никчемного содержания заключения по диссертации Милой ДВГУПС (как организации, где выполнялась диссертация) достаточно подробно и убедительно доказаны в монографии [7, с. 176-178,181] и в более ранних публикациях [1,8,9]. Здесь и ниже пойдет речь о нарушении установленных Правительством РФ и Минобрнауки России требований оформления этого «заключения» как документа государственной научной аттестации.

Анализ содержания «заключения ДВГУПС по диссертации Милой» (Серенко и др.) позволил выявить неприемлемое для документов государственной научной аттестации нарушение требования пункта 23 (подпункт «д») «Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», утвержденного приказом Минобрнауки России от 12 декабря 2011 года № 2817, выраженное в том, что вопреки установленному требованию данное «заключение ДВГУПС» *не оформлено в виде выписки из протокола заседания* ни кафедры «Менеджмент», ни ученого совета Института экономики ДВГУПС;

Нарушение 34. Анализ содержания «заключения ДВГУПС по диссертации Милой» (Серенко и др.) позволил выявить неприемлемое для документов государственной научной аттестации нарушение требования пункта 23 (подпункт «д») «Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», утвержденного приказом Минобрнауки России от 12 декабря 2011 года № 2817, выраженное в том, что вопреки установленному требованию данное «заключение ДВГУПС по диссертации Милой» *утверждено не «руководителем организации»* (ректором ДВГУПС), а лишь *«заместителем руководителя организации»* (проректором по научной работе ДВГУПС Серенко А.Ф.).

Нарушение 35. Анализ содержания «заключения ДВГУПС по диссертации Милой» (Серенко и др.) позволил выявить неприемлемое для документов государственной научной аттестации нарушение требования пункта 12 (абзац 1) «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), выраженное в том, что вопреки установленным требованиям данное «заключение ДВГУПС по диссертации Милой» не принималось на *заседании* структурного подразделения (ни кафедры «Менеджмент», ни ученого совета Института экономики) ДВГУПС, а ректор университета вообще не видел этого неправильно оформленного и неправомерно утвержденного «заключения».

Нарушение 36. Налицо – явное нарушение должностными лицами ДВГУПС не только пункта 12 (абзац 1) «Положения о порядке присуждения...», пункта 3.6.1 (подпункт «е») «Положения о совете по защите...» в части порядка принятия заключения организации (ДВГУПС), где выполнялась диссертация Милой, но и положений Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 года № 125-ФЗ (в ред. от 3 декабря 2011 года), «Типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении)», утвержденного постановлением правительства РФ

от 14 февраля 2008 года № 71 (с изменениями и дополнениями от 2 ноября 2013 года), «Устава ДВГУПС» от 31 мая 2011 года, «Кодекса корпоративной этики ДВГУПС», принятого решением Ученого совета ДВГУПС (протокол № 11 от 28 ноября 2008 года) и приказа ДВГУПС от 12 ноября 2008 года № 757 «О создании морально-этической комиссии».

Нарушение 37. Непонятным и необоснованным является то, что в «заключении ДВГУПС по диссертации Милой» (Серенко и др.) научным консультантом посвященной транспорту диссертации Милой А.В. был обозначен «зав. кафедрой финансов Института экономики и управления на транспорте Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского», он же заместитель председателя диссертационного совета ДМ 223.005.02 при МГУ им. Г.И. Невельского Фисенко А.И., обеспечивающий в этом совете специальность 08.00.05 – «менеджмент». Этот «специалист в области бюджетирования» никакого профессионального отношения к сфере воздушного (и любого другого вида) транспорта никогда не имел. Он не имеет мало-мальски значимых научных трудов в области транспорта и должной квалификации в сфере транспорта. Налицо – нарушение со стороны ДВГУПС и Фисенко А.И. «Положения о подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования Российской Федерации», утвержденным приказом Минобрнауки России от 27 марта 1998 года № 814 в части того, что научный консультант должен быть соответствующей специальности.

Нарушение 38. Более того, и по формальным причинам Фисенко А.И. не мог быть научным консультантом по диссертации Милой А.В., которая была разработана в ДВГУПС. Во-первых, не было приказа ДВГУПС о его назначении таковым. Во-вторых, при МГУ им. адм. Г.И. Невельского нет докторантуры по экономике, в рамках которой может быть присвоен соответствующий статус. Налицо – нарушение со стороны ДВГУПС и Фисенко «Положения о подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования Российской Федерации», утвержденным приказом Минобрнауки России от 27 марта 1998 года № 814.

Нарушение 39. Анализ содержания «заключения ДВГУПС по диссертации Милой» (Серенко и др.) позволил выявить неприемлемое для документов государственной научной аттестации нарушение требования пункта 12 (абзац 3) «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), выраженное в том, что, имея на руках неправильно оформленное и неправомерно утвержденное данное «заключение»,

«соискатель» ДВГУПС Милая де факто и де юре не имела «право представить диссертацию к защите в любой диссертационный совет».

Нарушение 40. Анализ содержания «заключения ДВГУПС по диссертации Милой» (Серенко и др.) позволил выявить неприемлемое для документов государственной научной аттестации нарушение требования пункта 12 (абзац 2) «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), выраженное в том, что неправильно оформленное и неправомерно утвержденное данное «заключение» *не* «должно быть выдано соискателю...» руководством (ректором) ДВГУПС.

Литература

1. Леонтьев, Р.Г. Диссертация о малых аэропортах и нелегитимные заимствования из материалов краевого правительства (как не надо писать диссертацию): монография / Р.Г. Леонтьев. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – 156 с.

2. Технично-экономическое обоснование создания Федерального казенного предприятия по аэропортовой деятельности на базе северных аэропортов Хабаровского края. – Хабаровск: Министерство промышленности, транспорта и связи Хабаровского края, 2009. - 190 с.

3. Программа развития и модернизации аэропортов Николаевск-на-Амуре, Охотск, Аян, Чумикан, Богородское, Херпучи на период до 2029 года. – Хабаровск: Министерство

промышленности, транспорта и связи Хабаровского края, 2009. - 162 с.

4. Азимов Л. Перспективная модель аэропорта как основа развития бизнеса (Источник: журнал "Аэропорт - партнер"). – Сайт ЗАО ПАКК 2003 – <http://transport.pacc.ru>

5. Роль государственного и частного секторов в инфраструктуре воздушного транспорта (ИВТ) // Семинар: Государственно-частное партнерство (ГЧП) в транспортном секторе России. – Москва, Россия, 3-4 марта 2005 г. – М.: Группа Всемирного банка. Отдел экономики и финансирования инфраструктуры, 2005. – 19 с.

6. Волкова Л.П. Управление деятельностью аэропорта. Часть 2. Организационные основы управления: учебное пособие. – М.: ФГОУ ВПО «МГТУГА», 2007. – 105 с.

7. Леонтьев Р.Г. Как опростоволосилась профессура с ведомственной «крышей»: небыли профанов про «аэропорт Херпучи» (как не надо писать отзывы на диссертации): монография / Р.Г. Леонтьев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. – 188 с

8. Леонтьев Р.Г. Диссертация об аэропортах МВЛ: кражи идей, вранье о результатах, невежество утверждений (как не надо представлять общую характеристику диссертации): монография / Р.Г. Леонтьев. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. – 190 с.

9. Леонтьев Р.Г. Завиральные и невежественные байки из «диссертации» об аэропортах МВЛ: образчики профанации науки (как не надо представлять защищаемые положения диссертации): монография / Р.Г. Леонтьев. – Изд-во Владивосток: Дальневост. федерал. ун-та, 2017. – 211 с.

НЕУМЕСТНАЯ ОЦЕНКА СООТВЕТСТВИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБ АЭРОПОРТАХ МВЛ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ДИССОВЕТА

Леонтьев Рудольф Георгиевич

д-р экон. наук, профессор,

почетный работник высшего профессионального образования РФ,

главный научный сотрудник

Хабаровского федерального исследовательского центра ДВО РАН,

г. Хабаровск, Российская Федерация

INAPPROPRIATE RESEARCH CONFORMITY ASSESSMENT ABOUT THE AIRPORTS OF THE MVL

Leontyev Rudolf Georgievich

Dr. econ. Sci., Professor,

Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation,

Chief Researcher Khabarovsk Federal Research Center of the Eastern Branch

of the Russian Academy of Sciences,

Khabarovsk, Russian Federation

DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.270

Аннотация

В статье подвергнута анализу представленная в отзыве официального оппонента (профессора) оценка соответствия исследования менеджмента аэропортами местных воздушных линий специальности диссертационного совета. Доказано, что эта оценка является неуместной информацией, предназначенной для придания данному отзыву видимости высококвалифицированного документа государственной

научной аттестации и тем самым запутать все экспертное сообщество и других представителей научной общности о релевантности, рассмотренной оппонентом диссертации.

Annotation

The article analyzes the conformity assessment presented by the official opponent (professor) of the research of airport management of local airlines with the specialty of the dissertation council. It is proved that this assessment is inappropriate information intended to give this review the appearance of a highly qualified document of state scientific certification and thereby confuse the entire expert community and other representatives of the scientific community about the relevance considered by the opponent of the dissertation.

Ключевые слова: Аэропорты, местные воздушные линии (МВЛ), государственная научная аттестация, диссертация, отзыв официального оппонента, неуместная оценка, соответствие исследования специальности совета.

Key words: Airports, local air lines (MVL), state scientific certification, dissertation, official opponent review, inappropriate assessment, conformity of research to the council's specialty.

Между невежеством и знанием
лежит пропасть.

Японская пословица

Известно, что в соответствии с пунктом 20 (абзац 1) действующего тогда «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), «диссертационные советы назначают официальных оппонентов по диссертации *«из числа компетентных в соответствующей отрасли науки ученых»*.

Однако, «диссертационный совет ДМ 223.005.02 при Морском государственном университете им. адм. Г.И. Невельского» по диссертации Милой назначил первым официальным оппонентом д.э.н., профессора, директора института международного бизнеса ВГУЭС Латкина А.П., который ни по образованию, ни по роду научной и преподавательской деятельности и ни по областям его научных интересов никак не связан со сферой транспорта и, особенно, в области гражданской авиации. В 2012 году не были известны его «ваковские» и обычные научные публикации в этой же сфере.

Поэтому профессор Латкин А.П. в 2012 году не являлся *«ученым, компетентным в соответствующей отрасли науки»* (в сфере транспорта). При этом, забегая вперед, следует отметить, что именно это обстоятельство, не в последнюю очередь, предопределило **отвратительно неприемлемое качество** содержания его (как официального оппонента) отзыва на пресловутое «диссертационное исследование» соискателя ДВГУПС Милой.

Вместе с тем, известно, что согласно пункту 22 (абзац 2) действующего тогда «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), «отзыв подписывается официальным оппонентом и заверяется печатью организации, работником которой он являлся». Однако, вопреки данному требованию отзыв официального оппонента Латкина А.П., подписанный им 3 мая 2012 года, не был заверен печатью ВГУЭС,

работником которого он являлся, и только поэтому данный отзыв уже оказался *де факто недействительным и де юре ничтожным*. Налицо – либо *головотяпство, допущенное Латкиным А.П. в силу его некомпетентности, либо сознательное нарушение им установленного порядка оформления отзывов, рассчитанное на недостаточную осведомленность* руководства «диссертационного совета ДМ 223.005.02 при Морском государственном университете им. адм. Г.И. Невельского».

На этом анализ рассматриваемого здесь фальсифицированного отзыва официального оппонента Латкина А.П., уже само по себе делающего незаконными защиту диссертации Милой и выдачу ей диплома кандидата экономических наук, следовало бы закончить, но, как говорится, «для чистоты эксперимента» представляется необходимым детально рассмотреть содержание этого отзыва, конкретные впечатления о котором могут охарактеризовать приведенные в настоящей монографии ниже негативные обстоятельства.

Для начала следует отметить, что в соответствии с пунктом 22 (абзац 1) «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), «официальный оппонент на основе изучения диссертации и опубликованных работ по теме диссертации представляет в диссертационный совет письменный отзыв, в котором оцениваются актуальность избранной темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизна, а также дается заключение о соответствии диссертации критериям, установленным настоящим Положением».

Итак, в «диссертационный совет ДМ 223.005.02 при Морском государственном университете им. адм. Г.И. Невельского» поступил **«Отзыв официального оппонента д.э.н., проф. А.П. Латкина на диссертационную работу Милой Александры Витальевны на тему: «Управление инфраструктурой аэропортов малой интенсивности полетов, представленную**

на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами: транспорт)». Сразу следует констатировать, что уже в названии данного отзыва лично профессором, д.э.н. Латкиным А.П. были сделаны две *грамматические ошибки* (в этом названии следовало бы после слова «оппонента» поставить запятую, а словосочетание с двоеточием «на тему:» убрать вообще).

Указанный отзыв содержит следующие 6 разделов: «1. Актуальность темы исследования»; «2. Соответствие диссертации специальности совета»; «3. Обоснованность, достоверность и новизна научных выводов, положений и рекомендаций диссертации»; «4. Личный вклад и практическая значимость полученных автором результатов»; «5. Дискуссионные моменты и недостатки диссертации»; «7. Общая оценка диссертации». К великому сожалению, и здесь следует констатировать, что директор Института международного бизнеса и экономики ВГУЭС Латкин А.П. *непростительно совершил элементарную арифметическую ошибку – не смог правильно подсчитать и обозначить цифрами* шесть разделов своего пятистраничного отзыва – и явно *халтурно «подмахнул» его не читая*.

Проведенный в настоящей работе ниже критический анализ содержания раздела «2. Соответствие диссертации специальности совета» отзыва официального оппонента Латкина А.П. позволил выявить следующие негативные обстоятельства.

В единственном абзаце второго раздела своего отзыва «2. Соответствие диссертации специальности совета» официальный оппонент, профессор Латкин А.П. сообщает буквально следующее:

«Проанализировав содержание представленной диссертации, а также то, как автор ставит цель и задачи исследования, раскрывает его содержание, объект и предмет, а также, рассмотрев диссертацию по существу, подтверждаю, что представленная диссертация соответствует профилю специальности 08. 00. 05 – «Экономика и управление народным хозяйством экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами: транспорт)» диссертационного совета ДМ 223.005.02 при Морском государственном университете им. Г.И. Невельского».

Анализ содержания данного абзаца позволяет выявить следующие негативные обстоятельства:

а) в свете общепринятых требований и представленных здесь рекомендаций из работы [1] по оценке «соответствия диссертации специальности диссертационного совета» следует отметить в формулировке данного абзаца следующие *невязки*:

- во-первых, в соответствии с пунктом 12 (абзац 1) «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), «организация, где выполнялась диссертация..., дает заключение по диссертации, в котором должны быть отражены... *специальность, которой соответствует диссертация, ...*». А согласно этому же пункту 7 (абзац 3) данного «Положения...» «*специальность, по которой выполнена диссертация, должна соответствовать научной специальности и отрасли науки, по которой диссертационному совету представлено право проведения защиты диссертаций*». И уже согласно пункту 20 этого же «Положения...» только потом «диссертационные советы назначают официальных оппонентов по диссертации из числа компетентных в соответствующей отрасли науки ученых, предварительно давших на это свое согласие»;

- во-вторых, в соответствии с пунктом 24 «Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук...», утвержденного приказом Минобрнауки России от 12 декабря 2011 года № 2817, «диссертационный совет создает комиссию... для... представления... *заключения о ее (диссертации) соответствии специальностям... и отраслям науки, по которым диссертационному совету предоставлено принимать к защите диссертации...*». А в соответствии с пунктом 24 данного «Положения...» только потом «диссертационный совет... назначает официальных оппонентов по диссертации из числа компетентных в соответствующей отрасли науки ученых, предварительно давших на это свое согласие в письменном виде»;

- в-третьих, поэтому, учитывая вышеизложенные установленные требования, профессор Латкин А.П. явно *неправомерно превысил свои полномочия* при изложении во втором разделе своего «отзыва» так называемого «*подтверждения соответствия диссертации специальности совета*». Тем более, что в соответствии с пунктом 22 (абзац 1) «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), отзыв официального оппонента не должен содержать такого «подтверждения». Налицо – факт *неосознанного постыдного незнания или сознательного неправомерного и халтурного игнорирования* профессором Латкиным А.П. *положений основополагающих нормативно-правовых актов государственной научной аттестации*;

- в-четвертых, на этом рассмотрение содержания второго раздела «отзыва» профессора Латкина А.П. можно было бы закончить, но, как говорится, «для чистоты эксперимента» его следует продолжить;

б) даже в коротком тексте единственного абзаца второго раздела своей «экспертизы» профессор Латкин А.П. допустил несколько **неприемлемых** для какого-либо отзыва официального оппонента как документа государственной научной аттестации **фразеологических ляпсусов и смысловых «ляпов»:**

- во-первых, применение в одном предложении подряд словосочетания «*содержание представленной диссертации*» и словосочетания «*исследования, раскрывает его содержание*» представляет собой **первый случай** неприемлемой для документа государственной аттестации **тавтологии;**

- во-вторых, применение в одном предложении дважды практически подряд союза «*а также*» представляет собой **второй случай** неприемлемой для документа государственной аттестации **тавтологии;**

- в-третьих, применение в одном предложении подряд словосочетания «*проанализировав содержание представленной диссертации*» и словосочетания «*рассмотрев диссертацию по существу*» представляет собой **третий случай** неприемлемой для документа государственной аттестации **тавтологии;**

- в-четвертых, применение в одном предложении дважды словосочетания «*представленная диссертация*» представляет собой **четвертый случай** неприемлемой для документа государственной аттестации **тавтологии;**

- в-пятых, поскольку профессор Латкин А.П. в отдельном разделе своего «отзыва» предпочел торжественно «*подтвердить соответствие представленной диссертации*», то он должен был обязательно указать, куда (или кому) и зачем «представлена диссертация» и чья она. А, может быть, было бы уместнее просто вместо словосочетания «представленная диссертация» употребить словосочетание «диссертация Милой А.В.». Кроме того, перед словом «автор» следовало бы поставить местоимение «ее»;

- в-шестых, согласно уставу вуза, упомянутого в данном абзаце, его полное официальное наименование – Федеральное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского» (сокращенное официальное наименование – МГУ им. адм. Г.И. Невельского). Поэтому в представленное в данном абзаце наименование вуза следовало бы добавить сокращенное слово «адм.» («адмирала»);

- в-седьмых, таким образом, налицо – **яркий образчик безграмотности, незнания официальных данных, неумения строить русскую фразеологию и формулировать строгие положения отзыва официального оппонента как документа государственной научной аттестации** со стороны профессора Латкина А.П.;

в) что касается фактического качества «подтверждения соответствия представленной диссертации профилю специальности совета», помпезно представленного профессором Латкиным А.П. в данном абзаце своего «отзыва», то относительно этого можно выявить следующие обстоятельства:

- во-первых, в соответствии с рекомендациями работы [1] оценивается «соответствие диссертации *паспорту научной специальности*», а не «профилю специальности», как это заявил профессор Латкин А.П. в своем «отзыве». Точнее, оценивается «соответствие диссертации определенному пункту соответствующей области исследования, представленной в паспорте специальности». Налицо – факт **незнания** профессором Латкиным А.П. содержания **нормативных материалов государственной научной аттестации;**

- во-вторых, как было констатировано в монографиях [2-4], содержание диссертации соискателя ДВГУПС Милой в целом **ни в коей мере не соответствует** указанным ею в своем автореферате (стр. 5) пунктам 1.4.80 «Экономический анализ деятельности предприятий и организаций различных видов транспорта, выполняемый на уровне транспортной системы страны, её регионов, видов транспорта и их структурных подразделений – железных дорог, морских и речных пароходств, авиакомпаний и др.», 1.4.83 «Экономическое обоснование систем управления на транспорте» и 1.4.92 «Организация управления на транспорте» паспорта специальности 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами (транспорт)»;

- в-третьих [2-4], вместе с тем, если условно признать легитимным все содержание диссертации Милой, то заключенную в него информацию с большой натяжкой можно квалифицировать соответствующей лишь пункту 1.4.89 «Планирование и анализ производственно-хозяйственной и коммерческой деятельности предприятий транспорта» паспорта специальности 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами (1.4. Транспорт)»;

- в-четвертых [2-4], более того, поскольку в диссертации Милой речь идет главным образом о «неавиационных» (то есть нетранспортных) услугах и ГЧП, то заключенную в нее (диссертацию) условно признанную легитимной информацию можно квалифицировать, в какой-то мере, соответствующей пунктам 1.6.124 «Формы государственной поддержки отечественных производителей в сфере услуг» и 1.6.132 «Государственно-частное партнерство в сфере услуг» паспорта специальности 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами (1.6. Сфера услуг)»;

- в-пятых [2-4], поэтому диссертация Милой, как минимум, должна была защищаться по двум областям исследования – 1.4. Транспорт и 1.6. Сфера услуг – действующего в 2012 году паспорта специальности 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами». При этом объединенный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций ДМ 223.005.02 при МГУ им. адм. Г.И. Невельского должен был для проведения защиты диссертации Милой пригласить на свое заседание членов какого-то другого совета по специальности «1.6. Сфера услуг»;

- в-шестых, налицо – факт *не предписанного документами государственной научной аттестации, вызванного плутоватой инициативой* и, к тому же, *невежественного «подтверждения соответствия диссертации специальности совета»* профессором Латкиным А.П. и, следовательно, проявление его *специальной и экспертной некомпетентности*.

Литература

1. Аристер Н.И., Резник С.Д. Управление диссертационным советом: практическое пособие / Под общ. ред. проф. Ф.И. Шамхалова. – Пенза: ПГУАС, 2008. – 462 с.

2. Леонтьев Р.Г. Диссертация об аэропортах МВЛ: кражи идей, вранье о результатах, невежество утверждений (как не надо представлять общую характеристику диссертации): монография / Р.Г. Леонтьев. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. – 190 с.

3. Леонтьев, Р.Г. Диссертация о малых аэропортах и нелегитимные заимствования из материалов краевого правительства (как не надо писать диссертацию): монография / Р.Г. Леонтьев. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – 156 с.

4. Леонтьев Р.Г. Завиральные и невежественные байки из «диссертации» об аэропортах МВЛ: образчики профанации науки (как не надо представлять защищаемые положения диссертации): монография / Р.Г. Леонтьев. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. – 211 с.

ИННОВАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ: ВЫБОР И УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

Мяснянкина Ольга Викторовна

канд. экон. наук, доцент

*ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
технический университет»*

г. Воронеж

INNOVATIVE ENTERPRISE DEVELOPMENT STRATEGY: CHOICE AND CONDITIONS OF SALE

Myasnyankina Olga Viktorovna

Cand. econom. Sciences, Associate Professor

*FSBEI HE "Voronezh State
Technical University"*

Voronezh

Аннотация

Одним из средств достижения поставленных перед предприятием целей является инновационная стратегия, нацеленная, в отличие от других средств, на новизну. Стратегия придает предприятию вектор развития, ориентированный на реорганизацию предприятия в целях эффективного его функционирования с учетом новых реальных условий. Инновационная стратегия обеспечивает гибкость и адаптацию предприятия к запросам потребителей, требованиям рынка, позволяет ему выдерживать конкуренцию.

Целью данной статьи является анализ и обоснование теоретических положений, касающихся выбора инновационной стратегии предприятия, исследование характеристик стратегий и возможности их применения на конкретном предприятии, уточнение и дополнение классификации инновационных стратегий, уточнение и обоснование вариантов инновационного развития предприятий.

Annotation

An innovative strategy is one of the means to achieve the goals set for the enterprise, which differs from other means primarily in novelty. The strategy gives the enterprise a development vector focused on the reorganization of the enterprise in order to efficiently operate it, taking into account the new real conditions. An innovative strategy provides flexibility and adaptation of the enterprise to the needs of consumers, allows it to compete with manufacturers of similar products

The purpose of this article is to analyze and substantiate the theoretical provisions concerning the choice of an innovative strategy for an industrial enterprise, study the characteristics of strategies and the possibility of their application in an enterprise, clarify and supplement the classification of innovative strategies, clarify and justify options for innovative development of enterprises.

Ключевые слова: инновационная стратегия; бенчмаркинг; диффузия инноваций.

Keywords: innovation strategy; benchmarking; diffusion of innovations.

Положительная эволюция в развитии любого предприятия является условием успешного его существования. Особенно важным на данный момент является выбор направлений и определение масштабов предлагаемых изменений, что происходит в рамках реализации инновационной стратегии. Необходимость принятия стратегических решений в области инноватики возникает тогда, когда повседневная деятельность, связанная с мерами, по повышению технического уровня, не позволяет достичь поставленных целей. Несмотря на болезненность внедрения всякого рода новшеств в стабильный процесс производства следует признать, что наиболее успешным является то предприятие, которое умеет определить момент формулировки и выбора стратегии инновационного развития.

В настоящее время непрерывно внедрять инновационные мероприятия вынуждает предприятия возросший уровень конкурентной борьбы. Эти мероприятия (действия) могут быть либо фрагментарными, касающимися отдельных процессов (производственных, финансовых или каких-либо других), либо локальными, направленными на увеличение выпуска продукции, либо комплексными, касающимися всестороннего инновационного преобразования предприятия.

Комплексное инновационное преобразование выводит предприятие на необходимость формирования инновационной стратегии развития предприятия.

Инновационная стратегия развития – это, с одной стороны, агрегированная модель операций, действий, необходимых для достижения поставленных организацией целей на основе выбранных критериев (показателей), а, с другой стороны, это комплексный многоформатный документ, включающий системные действия по разработке и внедрению инновационных решений во все сферы деятельности предприятия.

При разработке инновационной стратегии принимаются во внимание цели предприятия, масштаб и характер его деятельности, жизненный цикл инноваций, уровень инновационного развития

самого предприятия и проводимая им научно-техническая политика [3,4].

В большинстве случаев инновационные стратегии предполагают необходимость учета некоторых условий для проектного и корпоративного управления. К таким условиям можно отнести:

- повышение уровня неопределенности результатов. Это условие заставляет развивать такую специфическую функцию как управление инновационными рисками;

- повышение инновационных рисков проектов. Поскольку в портфеле инновационных проектов преобладают среднесрочные и, особенно, долгосрочные проекты, то приходится привлекать инвесторов, допускающих работу с проектами с более высокой степенью риска. Таким образом, перед управляющей системой данной организации появляется качественно новый объект управления – инновационно-инвестиционный проект;

- усиление потока изменений в организации в связи с инновационной реструктуризацией. Это означает, что потоки стратегических изменений следует сочетать со стабильными текущими производственными процессами.

Следует отметить, что при реализации инновационной стратегии организации требуется обеспечить сочетание интересов и согласование решений стратегического, научно-технического, финансового, производственного и маркетингового менеджмента [5].

Многие ученые-исследователи, занимающихся проблемами инновационного развития предприятий (Колосова Т.В., Заглумина Н., Хавин Д.), обосновывают четыре варианта инновационных стратегий развития [1,2]. Отмечая безусловную значимость научных результатов, полученных данными авторами, считаем, что многие проблемы формирования инновационной стратегии изучены пока недостаточно. По нашему мнению, необходимо дополнить вариантный список стратегий еще одним видом – стратегией активного бенчмаркинга (рисунок 1).

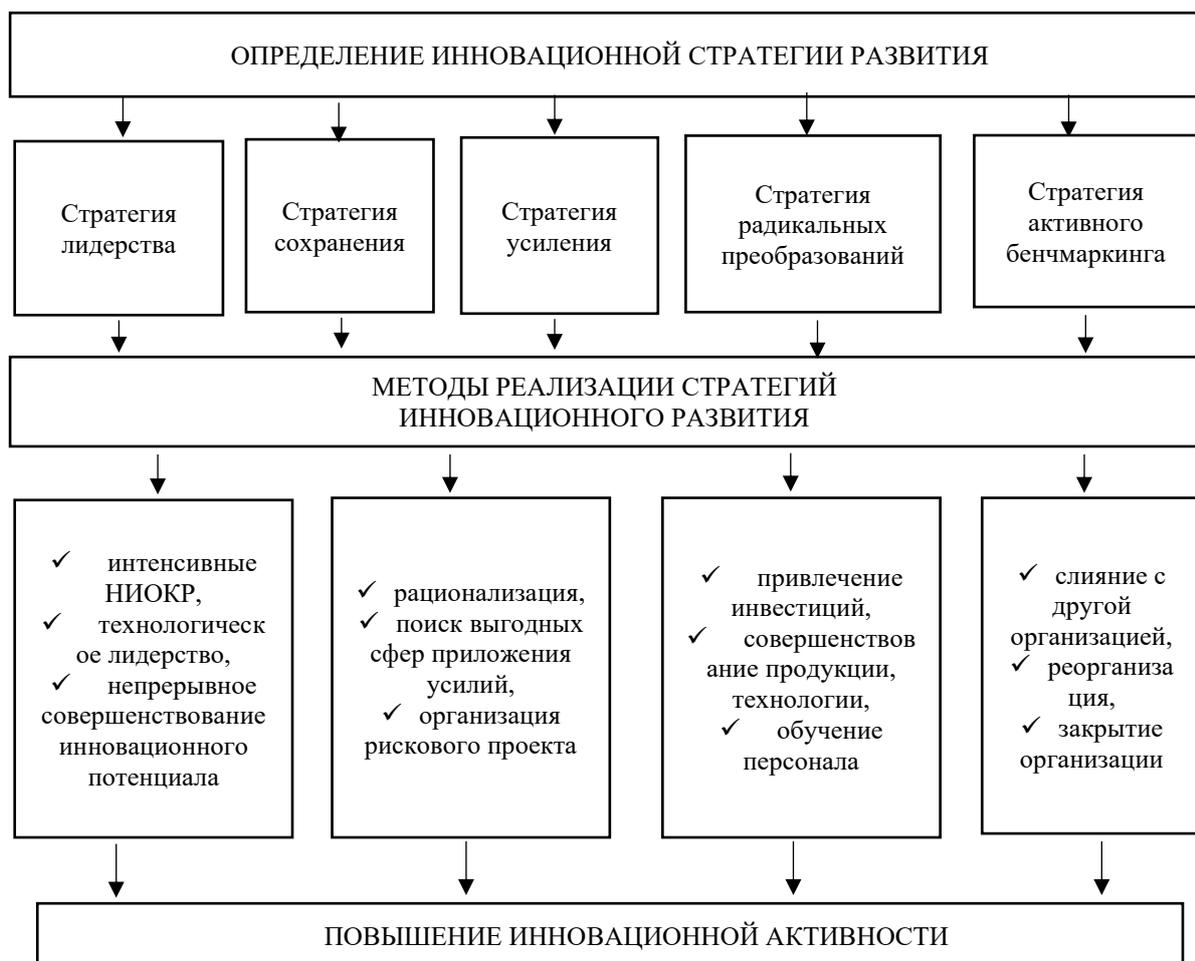

Рисунок 1. Технология выбора инновационной стратегии предприятия

Стратегия лидерства изначально соответствует высокому уровню инновационного развития предприятия (организации). При реализации этой стратегии ни инновационный потенциал, ни инновационный климат организации не должны вызывать каких-либо опасений и предприятие может смело продолжать следовать поставленным целям.

Стратегия лидерства является наиболее предпочтительной в ситуации высокого уровня инновационного развития, поскольку организация может проводить интенсивные НИОКР, сохранять и укреплять технологическое лидерство, так как у нее существует достаточное количество финансовых, кадровых, технологических и других видов ресурсов. Кроме того, благоприятные условия инновационного климата в перспективе помогут предприятию сохранить технологическое лидерство и будут способствовать непрерывному совершенствованию уровня инновационного потенциала.

При выборе стратегии лидерства предприятиям необходимо и целесообразно проводить обучение персонала и осуществлять закупку новых основных фондов, используя благоприятные финансовые возможности.

Стратегия сохранения соответствует среднему уровню инновационного развития. При осуществлении стратегии сохранения

целесообразно использовать различные меры сохранения высокого и повышения среднего уровня инновационного потенциала. Данный вариант стратегии нацелен на реализацию таких мероприятий, как рационализация, поиск более выгодных сфер приложения усилий. Перечисленные мероприятия позволят организации избежать угроз, которые могли бы возникнуть со стороны внешней среды, и поддержать инновационный потенциал на прежнем уровне.

Стратегия усиления соответствует кризисному уровню инновационного развития. Кризисный уровень инновационного развития наиболее опасен для предприятия. При среднем уровне, как было отмечено выше, факторы внутренней среды предприятия находятся на высоком или среднем уровнях. При кризисном уровне, если в ближайшее время предприятию не удастся повлиять на инновационный потенциал с целью его укрепления, то может возникнуть ситуация, когда организация переместится на низкий уровень инновационного развития, который требует радикальных преобразований. При стратегии усиления предприятию необходимо укреплять инновационный потенциал в условиях благоприятного климата. Усиление инновационного потенциала может происходить за счет повышения его составляющих. Финансовую

составляющую инновационного потенциала можно повысить за счет привлечения дополнительных инвестиций, которые в условиях благоприятного климата остаются вполне доступными. Кроме того, целесообразно совершенствовать политику ценообразования, повышать качество продукции, совершенствовать применяемые технологии.

Стратегия радикальных преобразований характеризуется низким уровнем инновационного потенциала и неблагоприятным (или средним) показателем инновационного климата. В случае применения стратегии радикальных преобразований предприятию требуется приложить огромных усилий для достижения положительных изменений, обеспечивающих дальнейшее функционирование. Крайней мерой этой стратегии будет являться закрытие организации.

Стратегия активного бенчмаркинга предполагает, что данная организация, изучив опыт деятельности конкурентоспособных производств, выявляет наиболее жизнеспособные проекты и адаптирует их к условиям собственного производства. В качестве примера можно привести активное заимствование приемов увеличения объема продаж с применением различных методов сетевого маркетинга. В данном случае речь идет о диффузии инноваций или трансферу технологических процессов. Нам представляется, что этот вид инновационной стратегии в настоящее время используют многие отечественные предприятия. Как показывает практика, подобные инновационные стратегии наиболее успешно реализуются и приносят ощутимый экономический эффект.

Таким образом, для успешной реализации поставленных целей предприятиям следует выбирать ту стратегию, которая в конкретной ситуации будет более приемлемой для использования имеющихся ресурсов. Приемлемость какой-либо стратегии выражается эффективностью деятельности предприятия, что выражается, в свою очередь, в размере прибыли, объеме продаж и уровне рентабельности. Приняв

для себя решение об изменении рынка сбыта или реализуемой продукции, предприятие автоматически начинает двигаться к принятию инновационной стратегии. Инновационная стратегия развития организации должна устанавливать оптимальную последовательность мероприятий по общим направлениям, созданию новой системы управления, обновлению производства и т.д., а также должна контролировать и корректировать выполнение намеченных мероприятий на основе осуществления текущего мониторинга.

Список литературы:

1. Колосова, Т.В. Инновационный потенциал как стратегический ресурс повышения устойчивости развития предприятия / Т.В. Колосова, Д.В. Хавин, // Предпринимательство. - 2011. - № 5. С. 49-56.
2. Колосова, Т.В. Технология выбора инновационной стратегии развития предприятия / Т.В. Колосова, Н. Заглумина // Предпринимательство. - 2014. - № 3. С. 18-24.
3. Мяснянкина, О.В. Установление факторов и барьеров перспективного развития муниципальных образований / О.В. Мяснянкина, И.Н. Жиликов // Использование современных инновационных технологий в разработке и реализации экономических реформ // Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: АМИ. - 2018. - С.124-127.
4. Мяснянкина, О.В. Экономическое обоснование проектных решений / О.В. Мяснянкина, М.А. Гремяченская. – Воронеж: ГОУ ВПО «Воронежский государственный технический университет», 2008.
5. Мяснянкина, О.В. Применение системного подхода при формировании стратегии муниципальных образований / О.В. Мяснянкина, О.М. Фокина, Р.В. Пискарев. – Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. Т.2. - № 7 (33). С.79-83.

Код УДК 338.1

**МОДЕЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА СУБЪЕКТОВ
МАЛОГО БИЗНЕСА В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА ЧЕРЕЗ СОЗДАНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ
(ПРОМЫШЛЕННЫХ) ПАРКОВ И ТЕХНОПАРКОВ**

Радыгина Светлана Владимировна,
Кандидат экономических наук, доцент,
Удмуртский филиал Института экономики
Уральского отделения Российской академии наук,
г.Ижевск

Чипеева Юлия Васильевна,
Удмуртский филиал Института экономики
Уральского отделения Российской академии наук,
г.Ижевск

**MODELING THE DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL PRODUCTION OF SMALL BUSINESSES IN
THE ECONOMY OF THE REGION THROUGH THE CREATION OF INDUSTRIAL PARKS AND
TECHNOPARKS**

Radygina Svetlana Vladimirovna,
Candidate of economic Sciences, associate Professor,
Udmurt Branch of the Institute of Economics
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk

Chipeeva Yuliya Vasilievna,
Udmurt Branch of the Institute of Economics
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk

[DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.273](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.273)

Аннотация

В статье раскрыто понятие «индустриального парка», приведены примеры отраслевых парков и статистические данные по России. Также рассмотрен отечественный и зарубежный опыт формирования готовых промышленных площадок для бизнеса и возможные меры государственной поддержки индустриальных парков и их резидентов. Характеризуется воздействие создания индустриального парка на развитие промышленного производства в регионе.

Abstract

The article discloses the concept of an "industrial park," provides examples of industry parks and statistics on Russia. It also considered the domestic and foreign experience of forming ready-made industrial sites for business and possible measures of state support for industrial parks and their residents. It is characterized by the impact of the creation of an industrial park on the development of industrial production in the region.

Ключевые слова: Индустриальный парк; промышленность; инновации; малый и средний бизнес.

Keywords: Industrial park; industry; innovation; small and medium business

В последнее десятилетие индустриальные парки набирают все большую популярность. По мнению экспертов, они стали одним из самых эффективных инструментов экономического роста страны через развитие малых и средних компаний – промпарки приносят восемь рублей инвестиций на каждый вложенный рубль в их инфраструктуру.

Что же представляет собой индустриальный (промышленный) парк?

Индустриальный парк (англ. - industrial park) является целым комплексом, объединяющим в себе производственные, складские здания и офисные помещения, располагающиеся, чаще всего, в промышленных зонах города или за городской чертой. Предпочтение отдаётся достаточно крупным по размерам земельным участкам, которые имеют объединённое единое решение в плане возведения инженерных коммуникаций, транспортной сети и всей необходимой

инфраструктуры. При этом следует учитывать, что индустриальный парк является неслучайным набором предприятий-соседей, объединённых общими техническими решениями в возведении индивидуальных объектов, а грамотно организованным объектом, имеющим единую юридическую, техническую и транспортную инфраструктуру [1].

Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 56301-2014 «Индустриальные парки. Требования» определяет индустриальный (промышленный) парк как управляемый управляющей компанией комплекс объектов недвижимого имущества, состоящий из земельного участка (участков) с производственными, административными, складскими и иными зданиями, строениями и сооружениями, обеспеченный инженерной и транспортной инфраструктурой, необходимой для создания

нового промышленного производства, а также обладающий необходимым правовым режимом для осуществления производственной деятельности. То есть индустриальный парк это единый комплекс объектов недвижимости под управлением одной организации, которая берет на себя обязательства по обслуживанию всей территории площадки, а также предоставления дополнительных необходимых услуг компаниям-резидентам – малым и средним предприятиям, арендующим или приобретающим площади в парке [5].

Девелоперы индустриальных парков (управляющие компании) чаще всего являются частными инвесторами, поэтому базой для формирования парков выступают преимущественно арендные отношения. В связи с этим земельный участок и построенные производственно-складские комплексы имеют собственника в лице девелопера, а сами объекты сдаются в долгосрочную аренду [3].

Рассмотрим эру становления и развития российских и зарубежных индустриальных парков.

Начало формирования индустриальных парков на территории России пришлось на конец 90-х годов прошлого века. Изначально индустриальный парк являлся промышленной площадкой, ориентированной на конкретное производство, но через некоторое время произошло расширение понятия с практической точки зрения, что было обусловлено активным развитием автомобильного машиностроения, нефтехимической и фармацевтической отрасли, а также отрасли сельскохозяйственной переработки.

Преимущественно индустриальные парки имеют универсальную специализацию, но также встречаются площадки с производствами отраслевой направленности, например, химическая промышленность (Технополис «Химград», Химический парк «Тагил»), биотехнологии и фармацевтика (Биотехнологический индустриальный парк «Кольцово»), сельскохозяйственное производство и переработка (Агропромышленные парки («К-Агро», «Сибирь» и «Инновация»).

Быстрые темпы формирования индустриальных парков наметились менее 15 лет назад, когда был официально принят закон в отношении особых экономических зон. В первое время такие системы не отличались наличием хорошо подготовленных, а также полностью обеспеченных энергетическими ресурсами площадей под экспозицию предприятий. Заметный спад рыночной экономики спровоцировал следующий этап развития индустриальных парков, что обусловило рост внутреннего рынка, и повышение объёма производства.

Развитие промышленной сферы вызвало спрос на индустриальные парки и у иностранных предприятий, которые нуждались в готовых, уже организованных производственных площадках, обеспеченных доступной и хорошо развитой инфраструктурой. По мнению исследователей из международной консалтинговой компании

«Ernst&Young», на территории Российской Федерации общее количество промпарков превысило две сотни объектов. Самыми значимыми из них стали объекты на территориях, приближенных к федеральному центру - Калужской, Ленинградской, Московской и Липецкой областей, а также в республике Татарстан [4].

С позиций зарубежного взгляда индустриальный парк рассматривается как принципиально новый и отличный от существующих вариантов территориальной научной и образовательной интеграции в форме объединения научных организаций, специализирующихся в этой сфере проектных и конструкторских компаний, ВУЗов, производителей и других отделений. Система создавалась в целях ускорения и совершенствования разработки и использования в условиях разнообразных достижений. Такой результат обусловлен объединением в данной области специалистов высокой квалификации, а также хорошо оснащённой производственно-экспериментальной и информационной базы, в условиях часто применяемых налоговых преференций.

Высокую эффективность способа организации данной индустрии подтверждает многолетний зарубежный опыт, где такие системы успешно существуют на протяжении нескольких десятилетий. Первая система сформировалась более полувека назад на территории США, на базе Стэндфордского высшего учебного заведения в штате Калифорния. На сегодня в этой стране располагается более сотни подобных образований, что составляет порядка 30% от общего количества индустриальных парков на планете. Не меньший интерес представляют индустриальные парки Канады и Сингапура, а также Австралии и Бразилии, Китая и Японии [6].

Мировой опыт является неоспоримым доказательством того, что, с одной стороны, именно благодаря кризисному влиянию произошло инициирование и формирование индустриальных парков, что обусловлено повышенной потребностью в ресурсосберегающих высокоэффективных технологиях и новом, принципиально отличном виде продукции. Кроме того, немаловажное значение имела обострившаяся ситуация с безработицей. Важным шагом по возрождению страны и выходу из кризисной ситуации, стало поддержание научной работы и исследовательских инноваций, что обеспечивало появление достаточного количества новых рабочих мест, а также создавало максимально благоприятную среду на региональном уровне. Сегодня треть мировых индустриальных парков сформирована при государственной поддержке, но наиболее распространённой является комплексная собственность с основным критерием оценки в форме работы индустриальных парков по созданию достаточного количества рабочих мест для местного населения.

Большая часть парков создаёт места для привлечения своих (местных) компаний, а также рассчитывает на привлечение иностранных инвестиций. Порядка 50% мировых промышленных парков относится к небольшим по площади и количеству рабочих мест, поэтому, как правило, располагаются на территориях университетов и относятся к «зелёным» зонам.

Большинство мировых промышленных парков имеют бизнес-инкубаторы. При этом многие промышленные парки первоначально создавались как универсальные и специализирующиеся на определённых видах деятельности, располагающие научным или технологическим НИИ или центром с образовательными университетскими программами. Некоторые парки такого типа имеют «жилой» фонд.

В качестве примера успешного опыта организации промышленных парков можно рассмотреть Китай с его ПЭЗ развития и инновационных технологий общей площадью свыше 100 кв. километров. Данная зона вместила в себя порядка 50 вузов, более 100 научных отделов и исследовательских институтов, лабораторных участков, в которых осуществляет работу огромное количество специалистов разного уровня. В настоящее время в Китае более 400 таких зон, включая 50 систем государственного значения. Именно на этом уровне осуществляется необходимое стартовое финансирование высокотехнологичных проектов и страхование рисков, которые могут нести привлекаемые инвесторы-иностранцы. Привлечение средств определяется сегодня внедрением венчурных инвестиций. Фирмы, зарегистрированные в зонах для развития, пользуются разнообразными льготами. Например, все предприятия, которые используют перспективные технологии, выплачивают существенно сниженный подоходный налог, а также освобождаются от экспортного налогового бремени при выходе на внешние рынки. Для предприятий-резидентов парков, ведущих деятельность в отдельных отраслях (фармацевтическая сфера и сельскохозяйственная отрасль), могут предоставляться дополнительные преференции [7].

Поддерживая мировой опыт, сегодня Правительство Российской Федерации признает, что промышленные парки и особые экономические зоны – это одни из самых эффективных инструментов экономического развития территорий и привлечения инвестиций в регионы. Благодаря предоставляемым льготам для компаний-резидентов значительно ускоряется время создания производств и вывод их на самоокупаемость.

Интерес государства к развитию подобных площадок нашёл отражение в специальных мерах поддержки. С 2014 года Минпромторг России реализует государственную программу «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности», в рамках которой

предусматривается субсидирование процентной ставки по кредитам на создание промышленных парков. А при поддержке Минэкономразвития РФ предоставляются прямые бюджетные инвестиции в строительство промышленных парков и реконструкцию производственных площадок.

О востребованности таких механизмов говорит рост количества промышленных парков. По данным Национальной ассоциации промышленных парков, за семь лет (с 2013 по 2019 годы) число российских промышленных парков выросло более чем в три раза – с 80 до 269, включая 179 действующих и 90 создаваемых проектов. Отметим, что география таких площадок неравномерна и из 63 регионов, в которых имеются промышленные парки, 46% приходится на регионы Центрального федерального округа. Из других федеральных округов лидируют Приволжский (Республики Татарстан, Башкирия и Удмуртия) и Сибирский.

За период с 2013 по 2019 годы показатель заполняемости промышленных парков увеличился, достигнув 61%, что всего на несколько процентов выше показателей 2013 года. Однако в натуральных цифрах это означает, что за семь лет в промышленных парках страны застроено промышленными предприятиями более 20 тыс. га. Это 2313 новых резидентов, вложивших почти 600 млрд. рублей в развитие своих производств и создавших более 100 тыс. рабочих мест.

Наряду с достигнутыми результатами в ближайшие годы эксперты АИП прогнозируют насыщение территории страны парками. А дальнейшее развитие парков будет связано с улучшением их качества, развитием сервисов и расширением площади существующих площадок [4].

Возвращаясь к опыту организации промышленных парков зарубежными партнерами, отметим, что в основе успешного развития всех зарубежных промпарков заложен общий принцип: создание инфраструктуры, где реализуемы комплексные условия для ускоренного инновационного процесса с естественным образом взаимодействующей фундаментальной и прикладной науки с промышленным сектором.

В настоящее время в Российской Федерации эта цепь разорвана, а создаваемые инновации в научной среде редко идут в производственную сферу. В современных экономических условиях большая часть малых и средних компаний, занимающихся инновационной деятельностью, не смогут реализовать собственное производство из-за отсутствия необходимых средств и огромных трудовых затрат. Усложняет данную ситуацию отказ банковского сектора от финансирования высокорисковых венчурных проектов. Недостаточно совершенная нормативная база и налоговое законодательство, не стимулирующие инновации, делают сферу исследований ограниченной. При этом важным шагом навстречу в решении проблемы может стать строительство промышленных парков на особых территориях,

которые объединены и связаны общим профилем деятельности научных и исследовательских организаций, промышленных предприятий и бизнес-центров, выставочных площадок, учебных заведений с соответствующей инфраструктурой и «режимом максимального благоприятствования» [8].

В современных реалиях индустриальные парки и технопарки относятся к ключевым направлениям инновационной политики России. Реализация данной сферы непосредственно связана с решением основных задач по импортозамещению, а также существенного повышения конкурентоспособности выпускаемой отечественной продукции [9].

Список литературы

1. Андреева, Т.В. Цепочка создания стоимости продукта: формирование и оценка эффективности: Монография / Т.В. Андреева. - М.: ИЦ РИОР, НИЦ Инфра-М, 2013. - 170 с.;
2. Асаул, А.Н. Экономика недвижимости / А.Н. Асаул, Е.Г. Никольская. - М.: АСВ, 2004. - 299 с.;
3. Винс Ральф. Математика управления капиталом: Методы анализа риска для трейдеров и портфельных менеджеров - М.: Альпина Паблишер, 2012. - 400 с.;
4. Индустриальные парки и ОЭЗ России. Отраслевой обзор - 2020 №7, [https://indparks.ru/upload/medialibrary/6a2/AIP2020_WEB_review_compressed%20\(Y\).pdf](https://indparks.ru/upload/medialibrary/6a2/AIP2020_WEB_review_compressed%20(Y).pdf);
5. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 56301-2014 «Индустриальные парки. Требования» - М: Стандартиформ, 2014;
6. Рожкова Н.К., Бондаренко А.А. Контроллинг как современный инструмент управления предприятием // Экономика и современный менеджмент: теория и практика: сб. ст. по матер. LVIII междунар. науч.-практ. конф. № 2(56). - Новосибирск: СибАК, 2016;
7. Семенов В.И. Расчет и анализ отклонений от нормативов затрат на производстве // Планово-экономический отдел, 2017. - №7. - URL: <https://www.cfin.ru/management/manufact/diff.shtm>;
8. Сысоев Е.В. Актуальные аспекты совершенствования государственной промышленной политики // Транспортное дело России. — 2013. - №5. - С. 193-194;
9. Техническая эксплуатация и ремонт зданий и сооружений: учеб. пособие / С.И. Рощина [и др.]; Владим. гос. ун-т. - Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2009. - 200 с.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОВРЕМЕННЫЕ ПОПРАВКИ В КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Апиенакова Ульяна Игоревна

магистрант второго года обучения

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.274

Аннотация

В данной статье автор сопоставляет поправки в Конституцию Российской Федерации 2008, 2014 и 2020 годов. Основу методов исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой (компаративистский). В результате исследования автор приходит к выводу, конституционные поправки могут различаться на существенные и несущественные (частные, точечные). Делается вывод, что для внесения изменений в текст Конституции должна предшествовать разработка концепции, которая отражала бы последовательную корреляцию текущего законодательства.

Abstract

In this article, the author compares the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2008, 2014 and 2020. The research methods were based on formal legal, comparative legal (comparative) methods. As a result of the research, the author comes to the conclusion that constitutional amendments can differ on more significant and insignificant (particular, point). It is concluded that in order to amend the text of the Constitution, the development of a concept that would reflect the consistent correlation of the current legislation should be preceded.

Ключевые слова: изменение конституции; конституционные поправки; конституция; правовая концепция; публичная власть; реформа.

Keywords: changing the constitution; constitutional amendments; constitution; legal concept; public authority; reform.

Как известно любой реформе, в том числе конституционным изменениям, предшествует подготовка, которая выражается в выработки тех или иных проектов планируемых изменений с обязательным экономическим обоснованием. Следует согласиться с Н.В. Лебедевой, что «при подготовке и рассмотрении поправок к Конституции следует всесторонне проанализировать факторы, побуждающие к их внесению, среди которых: кардинальные изменения, происходящие в социальной, экономической и политической сферах, возникновение новых общественных отношений, недостатки конституционного текста» [10, с. 19].

В этой связи полагаем, что для проведения конституционной реформы возникает необходимость в разработке ее концепции. К примеру, анализируя современное состояние развития отечественной модели федерализма, Д.А. Авдеев, верно отмечает, что для перехода к действительному федерализму «не последнюю, а скорее главную роль, призвана играть концепция региональной правовой политики» [3, с. 153].

Таким образом, для проведения любой реформы, а конституционной в особенности, необходима тщательная подготовка, а также разработка стратегии или же концепции, содержащая обоснование предполагаемых изменений текста Основного закона и, если понадобится, текущего законодательства.

Конечно же, любые конституционные изменения могут быть обусловлены причинами как субъективного, так объективного свойства. На определенном историческом этапе развития государства возникает потребность в корреляции

правового регулирования ряд общественных отношений, в закреплении на высшем – конституционном уровне тех или иных норм и положений, которые будут определять вектор развития законодательства.

Как правило, результатом конституционной реформы может стать как изменение конституционно-правового положения того или иного органа публичной власти, так и появление новых элементов или же структур в системе государственного управления. Например, согласно пункту «е⁵» статьи 83 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее Закон Российской Федерации о поправке 2020). Президент Российской Федерации формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства; статус Государственного Совета Российской Федерации определяется федеральным законом.

Конституция Российской Федерации устанавливает две процедуры внесения в нее изменений – пересмотр и поправки. Известно, что изменение положений глав 1,2 и 9 Конституции означает принятие разработку нового Основного закона и его принятие. Однако, в настоящее время

до сих пор не принят Федеральный конституционный закон «О Конституционном Собрании», который бы регламентировал данную процедуру. В главы же с 3 по 8 Конституции можно вносить поправки, которые предусматривают дополнение, новую редакцию или же исключение статьи.

С момента принятия Конституции Российской Федерации в 1993 году по настоящее время было принято пять Законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации – два в 2008-м, два в 2014-м годах и один в 2020 году. Обращают на себя внимание тот факт, что конституционные поправки 2008 и 2014 годов носили частный характер и не оказали существенного влияния на государственное развитие Российской Федерации в целом.

В 2008 году было принято два Закона Российской Федерации о поправках в Конституцию Российской Федерации. Согласно Закону РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» [4] произошло увеличение срока президентских полномочий и полномочий депутатов Государственной Думы на шесть и пять лет соответственно. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» [5] предусмотрел возможность Государственной думы 1) в части 1 статьи 103 заслушивать ежегодные отчеты Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой (пункт «в» части 1 статьи 103 Конституции), а также обязанность Правительства Российской Федерации разрабатывать и представлять Государственной Думе федеральный бюджет и обеспечивать его исполнение; представлять Государственной Думе отчет об исполнении федерального бюджета (пункт «а» части 1 статьи 114 Конституции)

В 2014 году также было принято два Закона о конституционных поправках. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» [6] внес изменения в организацию и деятельность органов прокуратуры и конституционные основы судостроительства (в частности, был упразднен Высший арбитражный суд Российской Федерации). Обращает на себя внимание тот факт, что данным Законом была изменена название главы 7 Конституции Российской Федерации – «Судебная власть и прокуратура».

Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» [7] предусматривал право Президента Российской Федерации назначать в состав Совета Федерации представителей

Российской Федерации, число которых составляет не более 10 % от числа членов Совета Федерации - представителей от законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [8] отличается от предыдущих Законов о конституционных поправках 2008 и 2014 годов не только содержанием, но и применяемой особой процедурой – проведением общероссийского голосования по поправкам в Конституцию Российской Федерации. Также особенностью конституционной поправки 2020 года стало широкомасштабное обсуждение в средствах массовой информации конституционных поправок в кругах общественности, в том числе научной. Следует отметить, что данный закон оказался самым объемным по количеству изменений, вносимых в конституционный текст, существенно изменяя конституционные полномочия Президента, Правительства Российской Федерации, палат Федерального Собрания, Конституционного Суда.

Проведение всенародного голосования по поправкам к конституции 2020-м году было вызвано, по нашему мнению, необходимостью получения легитимации, предлагаемых Президентом изменений конституционного текста. В процессе принятия конституционных поправок следует выделить роль Конституционного Суда Российской Федерации, который дал заключение о соответствии предлагаемых поправок Конституции.

Содержащиеся в данном Законе конституционные поправки, не только предусматривают изменение ранее установленных конституционных основ взаимодействия Президента и Правительства, Правительства и Государственной думы, но и вносят некоторые новеллы. В частности, вводится такое понятие как «федеральные территории» (ч. 1 статьи 67 Конституции), предусматривается юридическая характеристика органов государственной власти и местного самоуправления как системы органов публичной власти, что не исключает самостоятельность органов местного самоуправления, предусмотренного статье 12 Конституции Российской Федерации. Так, статья 132 Конституции дополнена частью 3, в соответствии с которой, органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Несколько изменился порядок назначения Председателя Правительства кандидатура которого назначается Президентом, после ее утверждения

Государственной Думой. Ранее для назначения Председателя Правительства Российской Федерации необходимо было получить согласие Государственной Думы, при этом Президент имел право не согласиться с мнением Государственной Думы и после двух трехкратного отклонения представленных кандидатур на должность Председателя Правительства мог распустить Государственную Думу и назначить Председателя Правительства.

Закон Российской Федерации о поправке 2020 в Конституции отразил сложившуюся практику формирования Правительства Российской Федерации. Согласно пункту «б¹» статьи 83 Конституции Президент утверждает по предложению Председателя Правительства Российской Федерации структуру федеральных органов исполнительной власти, вносит в нее изменения; в структуре федеральных органов исполнительной власти определяет органы, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, и органы, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации.

В соответствии с пунктом «д¹» этой же статьи Президент назначает на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождает от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности.

В Главе третьей Конституции получили закрепление важные положения, касающиеся правовой защиты семьи, материнства, отцовства и детства, института брака как союза мужчины и женщины (пункт «ж¹» части 1 статьи 72 Конституции), культуры как уникального наследия ее многонационального народа (ч. 4 статьи 68 Конституции), обеспечения защиты исторической правды. (часть 3 статьи 67¹ Конституции).

Несмотря на поддержку указанных выше и иных изменений, дополнений и новых редакций конституционных норм и положений, не все положительно разделяют иницилируемые Президентом поправки. В частности, профессор С.А. Авакьян высказывал свои предложения относительно добавления в Конституцию отдельной Главы 2.1. «Гражданское общество и демократия». Следует отметить, что им также предлагается ряд точечных конституционных изменений, которые смогут отразить демократический характер публичной власти в России [1]. К числу таковых С.А. Авакьян относит установление конституционно-правовой ответственности Президента, избирание населением субъекта Федерации членом Совета Федерации, оставляя за Президентом право назначения представителей Российской Федерации численности не более 10 % от общего числа членом Совета Федерации, наделением правом

законодательной инициативой не менее 100 тысяч граждан Российской Федерации, достигших возраста активного избирательного права, поддержавших законопроект своей подписью, оформленной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, а также Общественную палату Российской Федерации, Генерального прокурора, федерального Уполномоченного по правам человека, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Федерации.

Однако, эти и другие предложения ученых-правоведов, по нашему мнению, должны обсуждаться с участием и иных экспертов различных отраслей и сфер государственной и общественной жизни. По словам А.А. Клишаса «оценивая новый проект Конституции необходимо учитывать механизмы ее реализации с учетом возможных правовых рисков [9, с. 133-136], потому как любые содержательные изменения будут эффективны, если они осуществляются в рамках продуманной и обоснованной концепции с известными границами и пределами изменений. А также следует опираться на опыт прошлых ошибок для того, чтобы не допускать их в будущем и обеспечить квалифицированную реализацию норм нового Основного закона.

В заключении хотелось бы сформулировать некоторые выводы, полученные на основе вышеизложенного материала.

Во-первых, конституционные реформы государственно-правового характера можно условно классифицировать на существенные и несущественные. В свою очередь, существенными следует считать те реформы, которые предполагают взаимосвязанные между собой изменения, предполагающие корреляцию конституционных положений, находящихся в разных главах конституции, изменяющих конституционно-правовой статус высших органов государственной власти и, требующих изменения текущего законодательства. Несущественными, или носящими частный (точечный характер) следует считать те поправки, которые изменяют некоторые отдельные аспекты организации и деятельности того или иного органа, не меняя в целом баланс публичной власти.

Во-вторых, на наш взгляд, конституционную реформу можно понимать в двух аспектах (узком и широком). В узком аспекте конституционная реформа предполагает изменение текста Конституции, и вызванные тем самым, соответствующие изменения текущего законодательства. В широком же аспекте конституционная реформа предполагает не только точечное изменение конституционного текста, носящее системный характер, но и существенное изменение действующего законодательства. Это в свою очередь требует принятия новых федеральных и федеральных конституционных законов.

В-третьих, изменение федерального законодательства, которое развивает

конституционные нормы и положения, как нам кажется, не следует рассматривать как разновидность конституционной реформы. Хотя, с другой стороны, к примеру, порядок избрания органов государственной власти федерального и регионального уровней является одним из важных конституционных институтов. Нельзя не согласиться с мнением Д.А. Авдеева, который проанализировав процедуру образования (формирования) высших органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, сложившуюся в период с 2007 по 2010 годы, приходит к выводу, что «отчетливо видна основная тенденция, направленная на максимальное сокращение участников избирательного процесса в результате введения формализованных требований в ходе организации и проведения избирательных кампаний» [2, с. 30].

В-четвертых, результатом любой правовой реформы должно стать достижение целей стратегического развития государства в определенной сфере общественных отношений. В этой связи необходимо иметь научно обоснованную экономически выверенную концепцию или же стратегию поэтапного реформирования, включая содержательное обоснование планируемых поправок в Конституцию.

Список литературы:

1. Авакьян С. А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020 № 1. С. 31-44.
2. Авдеев Д. А. Демократическая иллюзия участия народа в формировании органов публичной власти в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 4. С. 23-31.
3. Авдеев Д. А. Конституционная концепция региональной политики в Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Т. 4. № 3. С. 152-163.
4. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.01.2009, № 1, ст. 1.
5. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.01.2009, № 1, ст. 2.
6. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 10.02.2014, № 6, ст. 548.
7. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 28.07.2014, № 30 (Часть I), ст. 4202.
8. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации, 16.03.2020, № 11, ст. 1416.
9. Клишас А. А. Конституционные реформы на современном этапе правового развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 1. С. 133-136.
10. Лебедева Н. В. Законы о поправках к Конституции РФ в системе источников конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 18-21.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЙ В КАЗАХСТАНЕ: ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Байзакова Раушан Бекмахановна

*магистр право, старший преподаватель
Казахский Национальный Аграрный Университет
г. Алматы*

[DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.272](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.272)

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию вопросов применения специальных видов уголовного ответственности по новому законодательству Республики Казахстан.

Abstract

The article is devoted to a comprehensive study of the application of special types of criminal liability under the new legislation of the Republic of Kazakhstan.

Ключевые слова: ответственность, наказание, преступление, уголовное дело, законодательство, лишение свободы.

Keywords: responsibility, punishment, crime, criminal case, legislation, imprisonment.

Взгляды на наказание и преступление в казахском праве несколько отличались от тех взглядов, которые существовали в юридических памятниках других народов, имевших более развитые

системы феодального права. Эти особенности более отчетливо проявляются в памятниках казахского обычного права относящихся к периоду до начала присоединения Казахстана к России, и постепенно

исчезают в памяти обычного права последующего периода, когда Казахстан вошел в состав Российской империи.

Для правильного понимания подлинной сущности наказания в казахском обществе очень важно раскрыть характеристику некоторых его институтов.

Вместе с тем учитывая, что основной массив рассмотренных уголовных дел приходился именно на мировые суды, можно сделать вывод, что в уголовной политике Российского государства все же преобладали наказания, не связанные с лишением свободы, преимущественно денежные взыскания. Общий уровень осужденных к лишению свободы по современным меркам был достаточно невысокий.

Что касается мер законодательного обеспечения, то на сегодня приняты законы, снижающие на законодательном уровне административное давление на бизнес, позволяющие ввести правовые механизмы защиты собственности. Также создана правовая база по гуманизации уголовного законодательства.

Вместе с тем дальнейшее продвижение в этой важной для государства и общества работе нуждается в адекватном законодательстве. В частности, это касается дальнейшей декриминализации преступлений, не представляющих большой общественной опасности; переоценки степени тяжести отдельных преступлений путем их перевода в категории менее тяжких; исключения лишения свободы из преступлений небольшой и средней тяжести; внедрения альтернативных уголовному наказанию мер государственного принуждения; совершенствования институтов освобождения от уголовной ответственности.

В настоящее время лишение свободы предусмотрено в 86% санкций Особенной части Уголовного кодекса [1, с.15]. Соответственно, лишение свободы не предусматривается лишь в отдельных санкциях преступлений небольшой и средней тяжести (14%). Из общего числа санкций, предусматривающих лишение свободы, в 54% указанный вид наказания содержится с альтернативными видами наказаниями и 46% - без альтернативы лишению свободы. При этом 2/3 санкций предусматривают лишение свободы без альтернативы за тяжкие и особо тяжкие преступления, а 1/3 - за преступления небольшой и средней тяжести. По данным Комитета уголовно-исполнительной системы, около 1,5 тыс. осужденных будут освобождены из мест лишения свободы.

В то время как Казахстан выбрал путь гуманизации уголовной политики через поэтапное реформирование уголовного законодательства, эти цифры более чем убедительно демонстрируют чрезмерную репрессивность Уголовного кодекса и правоприменительной практики.

Только за последние пять лет у нас осуждено свыше двухсот тысяч человек. Из них почти половина получила приговор лишения свободы,

процент условно осужденных равняется 36,9, и только 16,9% составляют лица, к которым был применен штраф, исправительные работы, ограничение свободы и другие виды наказаний. При этом высоким остается уровень применения лишения свободы за преступления небольшой и средней тяжести. За последние четыре года число осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях за преступления небольшой и средней тяжести, увеличилось почти в два раза. За указанные категории преступлений в прошлом году судами приговорены к лишению свободы 2/3 от всех осужденных.

Наряду со сложившейся практикой, в деятельности судов имеет место другая тенденция - широкое использование условного осуждения. Такая мера применяется в более чем три раза чаще по сравнению со штрафом, привлечением к общественным работам и другими мерами государственного принуждения. Начиная с 2005 года, институт условного осуждения дает возможность не направлять в места лишения свободы четверть от всех лиц, осужденных приговором суда к различным срокам лишения свободы [2, с.85].

Однако условное осуждение - это не вид наказания, а возможность исправления осужденного без отбывания наказания путем установления испытательного срока, в течение которого осужденный должен своим поведением доказать исправление. Как свидетельствует практика, не всегда условное осуждение способствует исправлению [3, с.122]. В условиях отсутствия соответствующего контроля и надзора со стороны государственных органов и единой системы социальной адаптации и реабилитации мы нередко сталкиваемся с тем, что указанная категория лиц вновь пополняет число преступников.

Полагаю, что возможности сокращения применения лишения свободы за счет расширения условного осуждения практически исчерпаны. Поэтому во всей очевидности встает вопрос разрешения другой проблемы - посткриминального государственного контроля и соответствующей социальной реабилитации условно осужденных. При этом мы должны учитывать, что в помощи и одновременном контроле со стороны государства нуждаются и лица, освобожденные из мест заключения условно-досрочно и по истечении срока отбывания наказания.

В этой связи в реабилитационных программах важная роль отводится последовательной политике государства по гуманизации уголовного законодательства и действенной профилактике правонарушений. В части профилактики правонарушений наше законодательство располагает необходимой нормативно-правовой базой. Приняты соответствующие законы, создана правительственная Межведомственная комиссия по профилактике правонарушений, утверждена отраслевая Программа профилактики правонарушений на 2018-2019 годы.

Вопросы же государственного посткриминального контроля, механизма социальной адаптации лиц, освобождающихся из мест заключений, оказания им помощи по бытовому и трудовому устройству до настоящего времени остаются не проработанными, в том числе на законодательном уровне. С учетом того, что отсутствие должного законодательного регулирования влечет за собой повышение уровня рецидивной преступности, актуализируется необходимость разработки и принятия отдельного закона, нацеленного на социальную адаптацию лиц, освобождаемых из мест лишения свободы [4, с.69].

Особый акцент следует сделать на вопросах посткриминального контроля. Контроль за поведением условно осужденных и условно-досрочно освобожденных военнослужащих возложен на командование воинских частей и учреждений. Таким образом, законодательно определен субъект, осуществляющий посткриминальный контроль за поведением указанной категории лиц. Контроль за условно осужденными в течение испытательного срока осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями по месту жительства условно осужденных и органами внутренних дел. Контроль же за поведением лиц, которые условно-досрочно освобождены от отбывания наказания, осуществляют органы внутренних дел по месту жительства освобожденного.

Таким образом, согласно действующему законодательству, контроль за поведением условно осужденных осуществляют две структуры, первая из которых основная - уголовно-исполнительные инспекции Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции, а вторая вспомогательная - органы внутренних дел [5, с.58]. Контроль же за поведением лиц условно-досрочно освобожденных возложен только на органы внутренних дел.

Такая «схема» контроля вызывает вопросы и является объектом научных и практических дискуссий. На сегодня мы имеем две противоположенные позиции относительно государственного органа, который обязан осуществлять посткриминальный контроль. Первые склоняются в пользу органов внутренних дел, которые в силу специфики своей деятельности обязаны контролировать в пределах компетенции соблюдение лицами, условно осужденными или освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них в соответствии с законом ограничений. Эта позиция основывается на том, что полиция располагает для реализации данных целей соответствующими правами и ресурсами.

Вторые полагают, что этими субъектами должны стать уголовно-исполнительные инспекции, поскольку именно их деятельность напрямую связана с исполнением наказаний. Приверженцы такого мнения считают, что органы внутренних дел не должны осуществлять посткриминальный контроль за указанной

категорией лиц в силу того, что указанные полномочия избыточны и не свойственны для полиции.

Скажу: одной из причин разногласий является отсутствие четкой системы, обеспечивающей должный контроль за указанной категорией лиц. Это обусловлено тем, что на органы внутренних дел возложено огромное количество функций и полномочий, где посткриминальный контроль не является приоритетной задачей [6]. Что касается уголовно-исполнительных инспекций, на которых законом возложены такие обязанности, то они в силу своей неразвитости просто не в состоянии обеспечить полноценный посткриминальный контроль.

На мой взгляд, следует более внимательно присмотреться к международной практике, демонстрирующей примеры эффективной работы специальных служб пробации, создаваемых государством. Эти службы, занимающиеся не только контролем за поведением данных лиц, но и их реабилитацией, успешно работают в США, Великобритании, во многих европейских государствах.

В реализации программ пробации участвуют органы исполнительной власти либо привлекаются также общественные организации. При этом различаются виды пробаций и органы, которые осуществляют ее на различных стадиях. В настоящее время известны такие виды пробаций, как досудебная, приговорная, пенитенциарная и постпенитенциарная. Последними двумя видами в большинстве стран занимаются органы юстиции, поскольку это позволяет в рамках одного ведомства обеспечить согласованность действий между органами исполнения наказания и пробации. Кстати, в ближайшей перспективе служба пробации будет создана и в России.

Полагаю, что использование такого положительного опыта и в нашей стране позволит обеспечить полноценный посткриминальный контроль. Тем более что Минюстом уже разработаны соответствующие проекты законов, документы предполагается внести на рассмотрение Парламента осенью текущего года. Законодательное подкрепление этого важного направления станет еще одним шагом к снижению уровня преступности и обеспечению законности и правопорядка в обществе.

Литература:

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан №226-V ЗРК от 3 июля 2014 года (введен в действие с 1 января 2015 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.05.2018) <http://www.zakon.kz> 22
2. Борчашвили И.Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республике Казахстан. Общая часть (том 1) / Под общ. ред. Генерального Прокурора Республики Казахстан, Государственного советника юстиции 1 класса Даулбаева А.К. – Алматы: Жеті Жарғы, 2015.

3. Уголовное право. Общая часть. Учебник под редакцией: А.Н.Агыбаева, Г.И. Баймурзин

4. Бекмагамбетов А.Б., Ревин В.П., Рыхлов О.А. Уголовное право Республики Казахстан. Алматы. Жеті Жарғы. 2010.

5. Уголовное право Республики Казахстан:Общая часть.Учебник. Отв..ред.-д.ю.н.,

проф. И. И. Рогов и д.ю.н. К.Ж.Балтабаев.Алматы: Жеті Жарғы,2016.

6. Статья из сайта <https://tengrinews.kz/>, председатель Комитета Сената по законодательству и правовым вопросам, авт. Берик Имашев

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗА ПО ВОПРОСАМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Гулямов Саид Саидакхорович
Доктор юридических наук, профессор
Ташкентского юридического университета.
100001, Узбекистан, Проспект Каримова 63

REGULATORY LEGAL FRAMEWORK FOR THE REGULATION OF THE DIGITAL ECONOMY

Gulyamov Said Saidakhrovovich
Doctor of Law, Professor
of the Tashkent Law University.
100001, Uzbekistan, Karimov Avenue 63

Аннотация

В настоящее время какой-либо документ международно-правового характера, унифицированно закрепляющий основные положения, фиксирующие достигнутый уровень цифровизации общества отсутствует. В статье рассматриваются вопросы нормативно-правовой база по вопросам регулирования цифровой экономики.

Abstract

Currently, there is no document of an international legal nature that unified the main provisions that fix the achieved level of digitalization of society. The article discusses the issues of the regulatory framework on the regulation of the digital economy.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование, ISO, гражданское право, нормативная база, цифровизация, отраслевое законодательство.

Key words: international legal regulation, ISO, civil law, regulatory framework, digitalization, industry legislation.

Digitalization is a global trend; therefore its implementation is one of the key directions of our country's policy. Changing the regulatory framework for regulating the digital economy is difficult without researching new phenomena introduced by the era of digitalization. Although a number of documents have been adopted that contributes to the formation of the foundations of international legal regulation in a digital society. One of these documents is the Okinawa Charter for the Global Information Society of July 22, 2000 year, adopted by representatives of the eight leading world powers and proclaiming the need to create a regulatory framework that facilitates cooperation to optimize global networks and reduce the digital divide. Another document is the UN General Assembly Resolution of December 18, 2013 year No. 68/167 "The right to privacy in the digital age."

Mention may also be made of international standards, in particular the technical standards of the International Organization for Standardization (ISO). For example, in the field of regulation of robotics, there are: ISO 13482:2014 standard on robots - personal assistants; ISO/TS 15066:2016, which establishes safety requirements for robots and the working environment; ISO/TR 20218-1:2018 standard containing guidance on safety measures in the design

and integration of industrial robots, etc. In 2016 year, the EU adopted the General Regulation on data protection effective May 25, 2018 year. This document unified the protection of personal data (including personal employee data). In the same 2016 year, the European Parliament discussed the reports "Industry 4.0" and "Industry 4.0. In the same year, the document "Digitalization for Productivity and Growth" was prepared by the Industry, Research and Energy Committee of the European Parliament.

At the same time, the Legal Affairs Committee of the European Parliament instructed the Citizens Rights and Constitutional Affairs Department to conduct a study on European civil law in robotics and the final report was presented on the parliamentary website, after which a comprehensive document was developed on the basic regulation of robotics.

The legal status of participants in digital ecosystems is determined by two components:

- Firstly, their role in those legal relations that are "transferred" to the digital space (for example, the seller and buyer of a thing in an online store, a customer and a service provider, an author of a literary work and a consumer of digital content, a taxpayer and a tax authority, an operator of personal data and the subject of personal data, etc.); the legal status of participants in

the digital economy is governed by classical industry legislation (civil code, tax legislation, customs code, banking legislation, education legislation, etc.), in connection with which additional or amended rights and obligations of participants in the digital economy within the framework of legal relations should be regulated precisely by industry legislation.

- Secondly, their role in legal relations, in the digital space itself (for example, the operator of telematic communication services and the subscriber, the provider of trusted services and the customer of the corresponding services, the hosting provider and the user of hosting services, etc.).

The legal status of the subjects of the digital economy is regulated by acts that can be conditionally called special, regulating the infrastructure of the digital economy, regulating the infrastructure of the digital economy, which directly include the legislation on communications, on the regulation of information circulation and the protection of personal data, and other information of limited access.

It is in these laws that the rights and obligations of participants in those legal relationships that exist exclusively in the digital space, as well as the general rights and obligations of all participants in the digital space, related to the circulation of information and the use of digital communication channels, should be regulated.

In foreign countries, she is actively involved in the process of normative regulation of legal relations in the field of the digital economy. legal regulation of the creation and functioning of a digital ecosystem should be based on an integrated approach to digital legal relations as to a socio-technical system, when new technologies are no longer considered only from the point of view of electronic computers and software provision, but will be a complex phenomenon, a certain ecosystem, which includes subjects, objects and connections between them. The implementation of these tasks is possible only with the involvement in the process of normative regulation of these legal relations on scientific concepts and theoretical understanding of problems in this area. The main obstacle to the development of the digital economy is the lack of an appropriate regulatory framework for the regulation of IT technologies.

The primary tasks of legal transformation are:

- creation of a legal basis for the collection, storage and processing of information, its protection from third-party encroachments, respecting the interests of participants in relationships in the digital economy;
 - implementation of the results of intellectual developments; improving antitrust laws and innovation practices;
 - adaptation of the mechanism of legal protection of consumer interests in accordance with the new business conditions; formation of an updated system for collecting and processing statistical information;
 - formation of infrastructure for the intensive development of the digital component in the economy.
- The process of legal optimization affects not only the economic aspect of the relationship, but also the civil law system. The improvement of civil legislation

should be accompanied by the consolidation of a separate status for electronic transactions.

It is necessary to indicate the ways of identifying the subjects of legal relations: biometric signature; mobile electronic signature; identity confirmation by phone number; identification by e-mail address. To implement transactions in a digital format, it is necessary to separate the concepts of digital offer and digital acceptance, expand the list of civil law objects by including the terms "information" and "digital financial assets" in them.

The advantages of the digital economy in comparison with the traditional one are: an electronic document flow is being introduced, which speeds up all interaction processes; work is transferred to remote mode, which saves time for all participants in transactions; simplified financial transactions due to the electronic payment system; the role of electronic money is growing; the market becomes more receptive and flexible, it is easier for new sellers to enter the target segment of buyers, it is easier for consumers to search for suppliers of the desired product; the cost of production is reduced and productivity is increased; automation of most of the processes leads to a decrease in the opportunities for the emergence of corruption schemes, operations are performed faster and better. The most global direction of government policy on digitalization is regulation. The need to implement this aspect is due to the importance of legal registration of electronic transactions arising in the process of interaction between market participants. Optimization in this area is possible through the adoption of laws regulating the use of bitcoins on the territory of Russia, their exchange.

The prospects for the use of this type of digital currency are unclear; legislators can form a legal framework for crypto currencies by building a permissive scheme for their circulation on the market or a prohibitive mechanism. China took the last option.

The Bank of Russia has a choice - to prohibit operations with bitcoins or to act as a developer of the national crypto currency system and become its regulator.

At the initial stage of legal regulation of the digitalization process, an analysis and assessment of the current legislative norms is carried out for their relevance to the regulatory models used. When choosing a methodology for legal regulation of the digital economy, developed countries prefer not to create a single comprehensive regulatory legal document, but to amend existing laws. This approach is typical for Great Britain and France.

The growth of cryptocurrencies - a new means of payment of the XXI century, which has a number of significant differences from other types of electronic money. Many of us have heard such terms as blockchain, cryptocurrencies, bitcoins, tokens more than once in recent years. The rapid development of digital technologies in recent years has not gone unnoticed in any civilized country in the world.

However, in each of them, cryptocurrencies were perceived differently, someone treated them with apprehension and distrust, while others, on the

contrary, perceived them as a new, extremely promising tool for economic development. Cryptocurrency is a digital currency protected by cryptographic technologies. These monetary units have no physical analogue; they exist only in virtual space. If the money we are used to is issued by a certain issuer, then the cryptocurrency appears without the participation of any central authority. New crypto-signs arise by generating new codes using computer technology. Cryptocurrency is not concentrated in a single repository, it is distributed among the wallets of its owners. The exchange rate depends on the demand for it.

Список литературы

1. The Digital Economy / The Competition Committee of Directorate for Financial and Enterprise Affairs of OECD. 2012. - 195 p.
2. Finck M. Digital Regulation: Designing a Supranational Legal Framework for the Platform Economy. // LSE Law, Society and Economy Working Papers. 2017. 1529 p.
3. Богданова, И. Ф. Интернет вещей в научных исследованиях. Социология науки и технологий. - 2017. Том 1. - С. 85–95.
4. Цифровая экономика - различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA и другие). / А. П. Добрынин. // International Journal of Open Information Technologies.- 2016. - Т. 4.- № 1.- С. 4–11.
5. Negroponte N. Being Digital. NY: Knopf, 1995. - 256 p.

References

1. The Digital Economy. / The Competition Committee of Directorate for Financial and Enterprise Affairs of OECD. 2012. - 195 p.
2. Finck M. Digital Regulation: Designing a Supranational Legal Framework for the Platform Economy. // LSE Law, Society and Economy Working Papers. 2017. 1529 p.
3. Bogdanova, I. F. Internet of things in scientific research. Sociology of Science and Technology. - 2017. Volume 1. - P. 85-95.
4. Digital Economy - Various Ways to Effective Application of Technologies (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA and others). / AP Dobrynin. // International Journal of Open Information Technologies. - 2016. - Т. 4.- No. 1.- P. 4-11.
5. Negroponte, N. Being Digital. NY: Knopf, 1995. - 256 p.

NEW POSSIBILITIES OF INTERNET OF THINGS

Gulamov Saidakhror Saidakhmedovich
 academician, doctor of economic sciences, professor,
 head of the department of the research institute
 for statistical research and retraining of personnel
 of the State Committee on Statistics
 of the Republic of Uzbekistan,
 Tashkent

Shermukhamedov Abbas Tairovich
 doctor of physical and mathematical sciences, professor
 of Tashkent branch of Russian economic university
 after G.V. Plekhanov,
 Tashkent

Abstract

The article discusses the classification of the Internet of Things, their key markets, which has a great impact on all segments of the international market, and this change the norms of doing business, improves the decision-making system and modify the forms of control in a whole range of industries - from manufacturing to marketing.

The introduction of this new technology in any business model provides an advantage over competitors that have not mastered the principle of the Internet of Things. The purpose of the article is to study how IoT is used in the Republic of Uzbekistan.

Key words: internet of things, industrial internet, hubs, gateways, internet threats, business models.

Background. As you know, the main advantages of Internet of things are the provision of a permanent connection and data exchange between connected devices and users. Thanks to built-in sensors and various technologies that provide communication between objects, it is possible to monitor the health indicators of patients, find objects and goods during transport, monitor the condition of buildings, etc.

The main problems facing the Internet of things are similar to those of Internet technologies: data protection, data quality, use of common standards and protocols, legal issues, etc. Other important issues

facing the Internet of things are the creation of a common addressing mechanism for the effective identification of digital media, providing a common mechanism addressing for efficient identification of digital media, creating devices that can be more energy efficient and reliable, creating isolation and self-sufficiency of the system, which will allow the device to provide fast and reliable communication, which minimizes the load on servers as well as on embedded devices. Internet of Things, (IoT) allows for the constant exchange of data between related entities and identifies the three main components that provide

security - authentication, privacy and access control, with particular focus on IoT systems.

In the short term, Internet of Things has the greatest impact on improving customer experience has the greatest impact on the final purchase decision as trade automation becomes more prevalent. The arrival of internet commerce may be the most profound shift in the internet of things era.

Method of research: At article writing were used synthesis and analysis methods.

Discussion: As you know, the Internet of things is divided into industrial and consumer. If the industrial Internet of things includes smart transport or connected cars (Connected Cars), a smart city (Smart City), smart grids (Smart Grid) in the energy sector, smart cars and entire factories, then wearable devices (Wearables) connected devices (Connected Devices or Appliances), smart home (Smart Home), etc.

There are 5 key of markets for the Internet of things: Connected Wearables, Connected Cars, Connected Homes, Connected Cities, Industrial Internet. The main media attention is focused on smart home and wearable devices.

The Industrial Internet as a more complex sector, because, for the enterprise, business functions are primary, which are effectively solved at a new level using the Internet of things: smart connected workplace, monitoring, management and optimization of business processes, improved and expanded IT, automation of products and services, business intelligence, customer engagement and connection and points of sale. Using protocols/standards and various types of sensors and controllers, the enterprise manages its activities.

IoT, these devices are sensors, controllers, actuators, as well as physical objects that were not originally designed to connect to the network. Each item must be uniquely identified. Devices are identified by firmware provided by the device developers, a traditional identifier. The range of available addresses is finite, but IPv6 provides more options (a new version of IP with a 128-bit address length instead of 32 in IPv4). And physical objects can be identified using RFID tags, radio beacons, optically recognizable identifiers (for example, bar codes), etc.

As you know, the Internet of Things network contains wired and wireless lines, which include hubs and gateways, with numerous protocols. Wireless networks are more efficient at low speeds, highly resilient, self-organizing, and low power consumption. The International Telecommunication Union, (ITU), International Electro technical Commission, (IEC), Internet Engineering Task Force, (IETF), Institute of Electrical and Electronics Engineers, (IEEE), and International Organization for Standardization, (ISO), play a large role in standardization in the Internet of things.

Research has shown that the All Join protocol is seen as a potential common standard for the Internet of things. The analogue of this standard is the BACnet standard, which can also work in IP networks and has the functions of discovering devices and determining the type of services provided. But the All Join standard

has the ability to transfer not only commands, but also data, for example, audio and video streams, which makes it possible to fully integrate multimedia and engineering systems management systems.

Thread Group has created the best way to connect and control devices in your home. The Industrial Internet Consortium has brought together the technologies needed to accelerate the adoption of IoT. One M2M developed standards for M2M and IoT, and M2M developed Machine-to-Machine communication, which allows computers to communicate with each other. Rostelecom has set up the Industrial Internet Consortium. The Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation has developed a "road map" for the development of Internet of things in Russia. For the further development of IoT, security is an important issue. Internet of threats: Due to the unsatisfactory low level of security of the Internet of things, the FBI of the United States (Federal Bureau of Investigation, FBI) recommended that such devices be completely isolated from the global network. In particular, the department is concerned about vulnerabilities in UPnP (Universal Plug and Play), which has a set of network protocols. Security issues in the IoT have become the focus of attention of many companies specializing in information security, including Kaspersky Lab. Ubiquitous Internet and wireless networks will lead to ubiquitous sensor networks. Entire industries will change, and the boundaries between certain industries will disappear.

The examples of successful implementation of the Internet of Everything in the public sector, which Cisco cites, seem at first insignificant. For example, in Finland, municipal services have equipped garbage containers with grid-connected filling sensors, which made it possible to build the timetable and routes of utility vehicles so that the container is picked up at the very moment when it is close to filling. At the same time, the volume of the container, and fuel, and the resource of garbage trucks, and the labor of public utilities are saved, which reduced the cost of collecting waste by 40%.

In Nice (France), the "internet of everything" is involved in solving another problem of modern cities, namely, street traffic and car parking. Smart Parking notifies drivers about free parking spaces and warns about their absence. Speaks about congestion and adjusts traffic light schedules to help increase the capacity of city highways.

It is believed that as a result of these measures, traffic jams have decreased by 30% - while saving time wasted in them and ridding the coastal city of the soot of gasoline burned in them. The benefit of being informed about the presence / absence of free parking spaces in the near future - after they get used to the paid parking lot inside the Garden Ring - will be appreciated by Muscovites, and after them by residents of other cities of our country; traffic jams in city centers and parking problems are already a problem for half a million people. As it has already become clear, hundreds of enterprises operate in the IoT market. Many landscape schemes have appeared.

The government of Uzbekistan has included a digital economy program in the strategic development plan of the state, the purpose of which is to create a full-fledged digital environment and digital field in the republic. According to the government of Uzbekistan, it is the "digitalization" of the economy that will allow the country to quickly resolve the issue of global competitiveness and national security. In the message of the President of the Republic of Uzbekistan Sh. Mirziyoyev to the Oliy Majlis (Parliament) dated December 28, 2018, it is noted: "... we should start developing in 2019 the National Concept of the Digital Economy, providing for the renewal of all spheres of the economy based on digital technologies, and on this basis to introduce the program "Digital Uzbekistan-2030". The "digital economy" provides digital space for all spheres of life of countries and its task is to create legal, technical, organizational and financial conditions for its development and its subsequent integration with the digital economies of foreign countries. The digital economy will ensure the growth of gross domestic product by at least 30 percent and dramatically reduce corruption. Uzbekistan has taken a course to develop a program for the country's transition to a digital format in the economy, and its stages will last until 2030. Information and communication technologies are associated with the development of technological computing, solving big data problems (Big Data), and development of new analytical tools (Next-Generation BI).

In 2017, Uzbekistan ranks 95th in the index of information and communication development among 176 countries, and the share of information technologies in the country's GDP is only 2.2%. For comparison: in South Korea - 9%, Japan - 5.5%, China and India - 4.7%.

Results Information and other high technologies have become an integral part of the daily life of almost the entire world population. ICT is becoming a key factor in development, innovation in the country.

Google is actively working on a project for an operating system for connected devices and systems - the Internet of Things. These systems can be both coffee makers and smart cars.

Sales of "smart bikinis" began in France for 149 Euros. The bathing suit has a built-in ultraviolet sensor that communicates with the Smartphone via Bluetooth, and a special application warns the wearer when it is necessary to apply a new layer of sunscreen.

Moreover, you can purchase a beach towel with a similar sensor. And this is only the beginning of a fundamental transformation of the world information and economic space. The Internet of Things, smart homes, 3D printers, self-driving cars, Tesla Model S and digital commerce are fundamentally changing business processes, have a significant impact on regulatory policy and social foundations [6].

The Internet of Things is already transforming into the "Internet of Everything", based on an ecosystem with billions of interconnections, providing a significant increase in wealth for every person and business. However, the industry needs a leader of the appropriate scale, with the resources and the will to

change. According to experts, the Internet of Things (IoT) is the largest market that will only gain momentum.

In the Republic of Uzbekistan, complex information systems have been created to provide interactive services in the field of public procurement - "Procurement", taxation - "Tax", licensing and licensing procedures - "License", for customs clearance of goods - "Customs", to ensure collection, processing, systematization and storage of information about planning, the course of execution of the state budget - "Budget".

The systems "Pension security", "Education", "Utilities", "Notary-2" have been developed and implemented - for the collection, processing, systematization and storage of information on the activities of courts, their decisions, execution of court decisions, as well as information on the activities of the notary, "State bodies" - to provide state bodies with summary statistical information. In accordance with the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated March 13, 2018, the program "Unified system of interdepartmental electronic interaction on the collection of debts under executive documents" was launched, where the Bureau of Compulsory Enforcement under the General Prosecutor's Office of the Republic of Uzbekistan, which ensures the prompt exchange of information and electronic correspondence between the Bureau and government agencies, banking institutions, as well as the timely application of restrictive measures against debtors using ICT.

Conclusion: The Republic of Uzbekistan has adopted a strategy for the development of e-government, a number of projects have been implemented to introduce "smart" and "safe" cities and regions based on processing big data and the introduction of the Internet of things, as well as intelligent surveillance and monitoring systems in public places.

Bibliography

1. Meola A. IoT for small business: Effects, opportunities & platforms, Business Insider, <http://www.businessinsider.com/internet-of-things-mallbusiness-opportunities-platforms-2016-8>
2. Kucheryaviy A.E., Borodin P.N. The Internet of Things as a New Concept for the Development of Communication Networks. Information technology and telecommunications. Electronic scientific journal No. 3, 2014. - 45-55 p.
3. Dave Evans Internet of Things: how our whole life will change at the next stage of the development of the Web. [Electronic resource]. Access mode: http://www.cisco.com/c/ru_ru/about/press/press-releases/2011/062711d.html.
4. Gulamov S.S., Shermukhamedov A.T. Development of the digital economy in Uzbekistan. // Materials of the scientific-practical conference "The role of foreign investment in increasing the competition of the national economy: national and international experience", March 28, 2019 - T.: Tashkent University of Law, 2019. - 182-184 p.

5. Gulamov S.S., Shermukhamedov A.T. Reducing the risks of digitalization. // Materials of the international scientific-practical conference "Thirty-second International Plekhanov Readings". –Moscow:

Russian economic university after G.V. Plekhanov. 01-02.02.19. - M.: Russian economic university after G.V. Plekhanov. 2019.-113-117 p.

СПЕЦИФИКА РАССЛЕДОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ НАЛОГОВОЙ ПРОВЕРКОЙ И НАЛОГОВОЙ ЭКСПЕРТИЗОЙ

Каверина Элина Юрьевна

кандидат эк., наук, доцент

*МИРЭА-Российского технологического университета,
г. Москва*

SPECIFICITY OF INVESTIGATION OF TAX CRIMES: MAIN DIFFERENCES BETWEEN TAX INSPECTION AND TAX EXPERTISE

Kaverina Elina Yurievna

Ph.D.

Sciences, Associate Professor

*MIREA-Russian Technological University,
Moscow city*

Аннотация

При расследовании налоговых преступлений следователи используют результаты налоговых проверок и судебно-налоговых экспертиз. Но сумма недоимки по акту налоговой проверки и сумма неисчисленного к уплате налога по заключению эксперта по одному и тому же налогу за один и тот же период может не совпадать. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить основные причины указанных расхождений. На основе общелогических методов получены определенные результаты и сделаны выводы. Основными причинами расхождений являются разные цели, нормативные основы, а также методы, применяемые при расчетах.

Abstract

When investigating tax crimes, investigators use the results of tax audits and forensic tax examinations. But the amount of arrears under the tax audit act and the amount of uncalculated tax payable according to the opinion of an expert on the same tax for the same period may not coincide. The purpose of the article is to identify the main reasons for these discrepancies. On the basis of general logical methods, certain results were obtained and conclusions were drawn. The main reasons for the discrepancies are different goals, regulatory frameworks, and methods used in the calculations.

Ключевые слова: налоговые преступления, судебная экспертиза, налоговая экспертиза.

Keywords: tax crimes, forensic examination, tax examination.

При расследовании налоговых преступлений, предусмотренных статьей 199 УК РФ по сообщениям налоговых органов основным документом, из которого извлекается максимальный объем информации, является акт налоговой проверки. Но в уголовном процессе для установления суммы неуплаченного налога, сбора, страхового взноса недостаточно сведений, полученных из акта налоговой проверки. При расследовании налоговых преступлений, как показывает практика, назначается налоговая судебная экспертиза, которая также предоставляет важную информацию.

Различные проблемы, связанные с судебной налоговой экспертизой и использованием специальных знаний по вопросам исчисления налогов и сборов нашли свое отражение в работах И. И. Кучерова, И. В. Александрова, А. Н. Борисова, М. И. Воронина, А. Н. Галая, А. Н. Ищенко, Н. Н. Скворцовой, С. В. Лукашевича, Э. Ф. Мусина, В. В. Голиковой, Е. К. Сальникова, Л. Г. Шапиро, Р. С. Якубова, И. А. Колчева и др.

Цель налоговой экспертизы – исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов. Следовательно, эксперты должны в результате исследования установить сумму неисчисленного к уплате налога, которую зачастую отождествляют с суммой недоимки. Но, сумма недоимки по акту налоговой проверки и сумма неисчисленного к уплате налога по заключению эксперта по одному и тому же налогу за один и тот же период может не совпадать. Чтобы понять причины указанного несоответствия, необходимо знать о различиях между порядком проведением налоговых проверок и производством судебных экспертиз.

Если налоговая экспертиза - это исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов, то эксперт не должен проводить исследование исполнения обязательств по уплате налогов и сборов [3]. В соответствии с диспозицией статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) уклонением от уплаты налогов считается не факт их неуплаты, а факт их

умышленного неправильного исчисления и, соответственно, дальнейшей неуплаты. Поэтому под формулировкой «неуплаченные налоги, сборы, страховые взносы», используемой в статье 199 УК РФ подразумевались неисчисленные к уплате (скрытые) налоги, сборы, страховые взносы. В действующей редакции статьи 199 УК РФ данная формулировка отсутствует, но она была в предыдущей редакции в примечании 1 к статье 199 УК РФ, где упоминался расчет «доли неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов».

При правильном исчислении налога, сбора, страхового взноса и его отражении в налоговой декларации (расчете сбора, расчете страховых взносов), но при этом несвоевременной уплате налога, сбора, страхового взноса уголовная ответственность не наступает. Если указанная в налоговой отчетности сумма не будет уплачена своевременно, то это будет являться налоговым правонарушением в соответствии со статьей 122 Налогового кодекса Российской Федерации (далее - НК РФ). Налогоплательщик обязан будет также в соответствии со статьей 122 НК РФ уплатить штраф за просрочку и пени за каждый календарный день просрочки, что установлено в статье 75 НК РФ. Штрафы и пени при расчете суммы неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов по статье 199 УК РФ не учитываются.

В НК РФ не указана прямая обязанность по исчислению налогов, сборов, страховых взносов, но указана прямая обязанность представлять в установленном порядке в налоговый орган по месту учета налоговые декларации (расчеты). Данная обязанность прописана в подпункте 4 пункта 1 статьи 23 НК РФ. Именно в декларациях (расчетах) и отражается порядок исчисления налогов, сборов, страховых взносов. Поэтому уголовная ответственность при уклонении от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, подлежащих уплате организацией согласно статье 199 УК РФ, наступает в случае непредставления налоговой декларации (расчета) или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным или включения в них заведомо ложных сведений.

Следовательно, при назначении налоговой экспертизы вопросы, поставленные перед экспертом, должны быть сформулированы относительно установления размера сумм неисчисленных к уплате налогов, сборов, страховых взносов.

В учебном пособии под редакцией Э. Ф. Мусина отмечено, что «...в компетенцию эксперта не входит определение суммы неуплаченных налогов, так как порядок ведения лицевой карточки, на которой должна находиться необходимая информация, является прерогативой налогового органа» [7, с. 245].

Тем самым, можно выделить первый момент, который необходимо учитывать следователю при сопоставлении результатов налоговой проверки и

результатов судебной налоговой экспертизы. И сводится он к следующему. Налоговые органы рассчитывают сумму как умышленно, так и неумышленно неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов (недоимку) с учетом переплат, зачетов и других аналогичных моментов, а также штрафы и пени. Судебные же эксперты при производстве налоговой экспертизы рассчитывают сумму только умышленно неисчисленных к уплате и, соответственно, неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов. При этом учет переплат, зачетов и других моментов производится экспертами в соответствии с выбранной методикой исследования (с учетом переплат, зачетов и др. или без них). Штрафы и пени для экспертов интереса не представляют.

При проведении налоговых проверок налоговые инспекторы руководствуются статьей 54.1 НК РФ и Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой льготы» (далее – Постановление № 53). С 19.08.2017 вступила в силу статья 54.1 НК РФ, регламентирующая пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и сумм налогов, сборов, страховых взносов. До вступления в силу указанной статьи судебная практика была неоднородной и часто противоречила подходам, которые применяли налоговые органы, руководствуясь Постановлением № 53. С целью закрепления законодательно способов и последствий установления факта получения налогоплательщиком необоснованной налоговой льготы в НК РФ и была введена указанная статья.

Постановлением № 53 определено понятие «налоговой льготы» и концепция необоснованной налоговой льготы. Согласно пункту 1 Постановления № 53 «под налоговой льготой понимается уменьшение размера налоговой обязанности вследствие, в частности, уменьшения налоговой базы, получения налогового вычета, налоговой льготы, применения более низкой налоговой ставки, а также получение права на возврат (зачет) или возмещение налога из бюджета».

Согласно пунктам 3 и 4 Постановления № 53 налоговая льгота может быть признана необоснованной, в частности, в случаях, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом, а также не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера). Налоговая льгота не может быть признана обоснованной, если получена налогоплательщиком вне связи с осуществлением реальной предпринимательской или иной экономической деятельности [5, п.п. 3, 4].

В письмах ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-7/16152@ и от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ отмечено, что статья 54.1 НК РФ направлена на предотвращение использования «агрессивных» механизмов налоговой оптимизации и фактически

определяет условия, препятствующие созданию налоговых схем. Статья 54.1 НК РФ определяет конкретные действия налогоплательщика, которые признаются злоупотреблением правами, и условия, которые должны быть соблюдены налогоплательщиком для возможности учесть расходы по налогу на прибыль и заявить налоговые вычеты по НДС по имевшим место сделкам. Указанные положения статьи 54.1 НК РФ при проведении налоговых проверок на текущий момент являются приоритетными по отношению к положениям Постановления № 53. Именно поэтому зачастую в результате налоговой проверки у налогоплательщика по сделкам (операциям) со спорными контрагентами снимаются все налоговые вычеты по НДС и соответствующие им понесенные расходы, учитываемые при исчислении налога на прибыль.

Эксперты при производстве судебной налоговой экспертизы руководствуются УПК РФ, Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее - Закон № 73) и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» (далее - Постановление № 48).

Согласно статье 4 Закона № 73-ФЗ основными принципами экспертных исследований являются объективность, всесторонность и полнота. В статье 16 данного закона также указано, что «...эксперт обязан ... провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам». В соответствии с пунктом 1 статьи 204 УПК РФ в заключении эксперта указываются выводы по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование. Таким образом, к указанным принципам можно добавить принцип обоснованности, следование которому также отражено как в Законе №-73, так и в УПК РФ.

Отсюда можно сделать вывод, что при проведении налоговых проверок налоговые органы, прежде всего, руководствуются конкретными положениями законодательства о налогах и сборах, а именно статьей 54.1 НК РФ, и отдельным документом – Постановлением № 53, которым установлены специальные термины и понятия, а также правила их применения. Производство судебно-налоговых экспертиз подчинено общим принципам проведения судебных экспертиз и порядку, установленному для уголовного процесса, что делает результаты экспертных исследований более приоритетными по отношению к результатам налоговых проверок.

При проведении налоговых проверок и судебно-экспертных исследований применяются одни и те же общенаучные методы, различия заключаются в специальных методах. При налоговых проверках применяются методы налогового контроля, которые не используют эксперты.

Несмотря на то, что экспертные исследования зачастую сравнивают с налоговыми проверками, эксперт при производстве судебной налоговой экспертизы не может применять методы, которые не дают точных и категоричных результатов. В учебном пособии под редакцией Э. Ф. Мусина отмечено: «...зачастую при анализе и оценке финансово-хозяйственной деятельности третьими лицами используются методы, не дающие точные и категоричные выводы и поэтому не применимые в уголовном судопроизводстве» [7, с. 243].

На выводах Постановления № 53 основывается процедура налоговой реконструкции, которую проводят налоговые органы в рамках налоговых проверок. Суть налоговой реконструкции заключается в том, чтобы восстановить порядок проведения реальных сделок (операций) налогоплательщика в соответствии с ее истинным экономическим смыслом с реальными контрагентами и исчислить с них налоги.

Налоговая проверка может быть проведена без применения процедуры налоговой реконструкции и с применением процедуры налоговой реконструкцией. Расчет без налоговой реконструкции предполагает снятие расходов и налоговых вычетов по сделкам (операциям) со спорными контрагентами без восстановления реальных сделок (операций) по реальным поставщикам. После введения в 2017 году статьи 54.1 НК РФ налоговые органы при проведении проверок налоговую реконструкцию практически не применяют, что является предметом регулярных споров между налоговыми органами и налогоплательщиками. Ситуация с налоговой реконструкцией остается напряженной, так как судебная практика показывает, что суды не всегда остаются на стороне налоговых органов, есть решения и в пользу налогоплательщиков относительно применения налоговой реконструкции.

Налоговая реконструкция предполагает применение расчетного метода. Конечно, она может быть проведена и без него, то есть на основании фактических данных, но применение расчетного метода при проведении налоговой реконструкции более актуально.

Расчетный метод – это метод, при котором для расчетов применяются не фактические цены, а рыночные. Расчетный метод установлен подпунктом 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ, а также Постановлением Пленума ВАС РФ от 30.07.13 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 57) и может применяться при определенных условиях, указанных в подпункте 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ.

В случае применения налоговыми органами расчетного метода, как отметил Президиум ВАС РФ в своем постановлении от 22.06.10 № 5/10, налоги исчисляют с той или иной степенью вероятности на неких усредненных показателях, то есть приблизительно. В указанном постановлении

также отмечено, что «...при расчетном методе начисления налогов достоверное исчисление налогов невозможно по объективным причинам».

Согласно подпункту 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ налоговые органы вправе определять суммы налогов, подлежащие уплате, расчетным путем на основании имеющейся у них информации о налогоплательщике или данных об иных аналогичных налогоплательщиках (метод налоговой аналогии).

В случае отсутствия данных о стоимости уровня рыночных цен по приобретенным товарам (работам, услугам) можно определить с использованием сведений об аналогичных сделках, имеющихся у налогового органа, а также официальных источников информации, но необходимо понимать, что найти компанию с аналогичными условиями и сопоставимыми показателями непросто. Большинство судов считает, что в первую очередь следует использовать имеющиеся у налогоплательщика данные о налогоплательщике, а если их недостаточно, то только тогда рассчитывать показатели по данным аналогичных компаний.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что налоговые органы имеют право применять методы, которые дают примерные, усредненные результаты (расчетный метод, метод налоговой аналогии и др.). Судебные эксперты должны же, исходя из принципов проведения экспертных исследований и порядка, установленного для уголовного процесса, применять методы, которые дают точные, категоричные результаты.

В итоге можно сделать следующий вывод. При расследовании налоговых преступлений следователю необходимо знать причины, по которым сумма недоимки по акту налоговой проверки и сумма неисчисленного к уплате налога по заключению эксперта (по судебной налоговой экспертизе) по одному и тому же налогу за один и тот же период может не совпадать. Указанные знания являются актуальными и влияют на

эффективность расследования налоговых преступлений.

Список литературы:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954
2. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. 05.06.2001. № 106.
3. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. № 191. 30.08.2005.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Российская газета. № 276. 06.12.2019.
5. Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2006. № 12.
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.13 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 10.
7. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе: учебное пособие для вузов / Под ред. Э. Ф. Мусина. - М.: Юрайт, 2017. - 273 с.
8. Федотов А.В. Налоговая реконструкция как эффективный инструмент налоговой защиты // Калужский экономический вестник, № 4, 2017, с. 11-13.

ПРОСЛУШИВАНИЕ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ КАК ОДНО ИЗ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, НАРУШАЮЩЕЕ И ОГРАНИЧИВАЮЩЕЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА: ПОЗИЦИЯ ЕСПЧ

Саратова Оксана Владимировна
кандидат юр. наук, доцент
Воронежский Государственный
аграрный университет им. Петра I
г. Воронеж

LISTENING TO TELEPHONE NEGOTIATIONS AS ONE OF OPERATIVE-SEARCH ACTIVITIES BREACHING AND LIMITING HUMAN CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS: POSITION OF THE ECHR

Oksana Saratova
candidate of legal Sciences, associate Professor
Voronezh State University
agricultural University named after Peter I
Voronezh

Анотация

В настоящей статье приведен анализ конституционных прав и свобод человека и гражданина, которые наиболее часто подвергаются ограничению при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а именно, прослушивание телефонных переговоров (ПТП). Также раскрываются позиции ЕСПЧ и практика российских судов при осуществлении судебного контроля за законностью (ПТП). Автор приходит к выводу, о том, что для наибольшей эффективности и обеспечения защиты права на частную жизнь при осуществлении ПТП возможно в том случае, если будет комплексное изменение российского законодательства, правоприменительных подходов.

Abstract

The article discusses the analysis of constitutional rights and freedoms of man and citizen, subject to restrictions during the operational search activities, namely wiretapping of telephone conversations (PTP). The legal positions of the ECHR and the practice of Russian courts in the exercise of judicial control over legality (PTP) are also disclosed. The author comes to the conclusion that for the most efficiency and protection of the right to privacy in the implementation of the anti-terrorist operation, it is possible if there is a comprehensive change in Russian law, law enforcement approaches and judicial awareness of judges.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, оперативно-розыскные мероприятия, прослушивание телефонных переговоров, неприкосновенность частной жизни, ЕСПЧ.

Key words: constitutional rights and freedoms, operational-search activities, wiretapping, privacy, ECHR.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) «оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на специальных принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств»[1]. Безусловно, для ОРД присущи специальные принципы, которые являются не только основополагающими началами своей деятельности, но и выделяют ее в особую категорию государственной правоохранительной деятельности. При этом, реализуя свои полномочия и функции, ОРД так же необходимо обеспечивать соблюдение принципов уважения и соблюдения прав и свобод граждан, которые непосредственно закреплены в Конституции РФ.

Обеспечение охраны законных прав и свобод человека, а также, их частной жизни на сегодняшний день является актуальной проблемой не только на национальном уровне, но и на международном. Когда Российская Федерация ратифицировала Европейскую Конвенцию по правам человека (ЕКПЧ), тем самым, дав согласие на взаимное сотрудничество национальными государственно-правовыми органами и международными организациями. Но, сегодня не смотря на положительное взаимодействие нашей страны и Европейского суда, к сожалению ни всегда решения ЕСПЧ исполняются на территории России.

В настоящей статье наибольший интерес вызывает информация о том, какие именно конституционные права граждан, поступившие в Конституционный Суд были признаны нарушенными в процессе ОРД. В первую очередь, наиболее часто нарушаемым конституционным правом является право на неприкосновенность частной жизни, закрепленное в ст. 23 Конституции РФ. Согласно статистике, практически в каждом пятом случае (18%) данное право ущемлялось [11, С. 112-118]. Однако, в соответствии с ч. 1 ст. 5 Закона об ОРД, данное право субъекты ОРД

обязаны соблюдать. Но нам хотелось бы подчеркнуть тот факт, что при выполнении этих обязанностей на практике возникает ни одна проблема, при которой необходимо определить ту грань права личности на неприкосновенность частной жизни, так как на сегодняшний день в национальном законодательстве отсутствует определение термина «частная жизнь».

В судебной практике так же существует необходимость четкого понимания содержания данного права. Так, Конституционный суд в своих решениях предложил следующую трактовку понятия «частная жизнь». Это

«та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, кроме случаев, когда его деятельность носит противоправный характер»[2]. Особое внимание Конституционный суд обращает на именно непротивоправный характер деятельности человека.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) традиционно придерживается мнения о том, что телефонные разговоры так же являются неотъемлемой частью «личной жизни».

В новой редакции Конституции РФ, в ст. 79 указано: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Далее предложены следующие правки в настоящую статью. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Но на практике существуют различные международно-правовые договоры, ратифицированные нашей страной, например Всеобщая декларация прав человека, Европейская

Конвенция по правам человека, в которой прописаны базовые принципы и термины, защищающие основные права граждан.

Так, ЕСПЧ отмечает тот факт, что право на неприкосновенность личной жизни не абсолютно. Европейская Конвенция по правам человека, а именно с ч. 2 ст. 8 допускает, что данное право может быть подвержено ограничению, в том случае, если данное ограничение законодательно предусмотрено и в настоящий момент действительно необходимо в интересах национальной безопасности государства, а так же для поддержания необходимого уровня общественного порядка. Также, ЕСПЧ признает и то, что сам факт вмешательства возникает в силу имеющегося действующего законодательства, на основании которого разрешен перехват сообщений между людьми в таких ситуациях, когда заявители предъявляют достаточные и обоснованные доказательства того, что они относятся непосредственно к той категории лиц, применение к которым данных мер является обоснованным и не противоречит законодательству

На сегодняшний день достаточно часто нарушаются права граждан, связанные с неприкосновенностью частной жизни. В последние годы в Конституционный суд направляется все больше и больше жалоб о незаконном применении в отношении лиц специальных технических средств (далее – СТС). Фактически они применяются для осуществления скрытых записей в аудио- и видеформате. Наиболее часто СТС используются при проведении скрытого наблюдения за человеком, проведении проверочных покупок наркотических веществ, и прочих оперативных действий без получения на их проведение соответствующих судебных решений. Конституционный суд при рассмотрении таких жалоб придерживается мнения о том, что «само по себе применение СТС не требует судебного решения, если при этом не ограничивается право на неприкосновенность жилища»[3].

Однако мнение ЕСПЧ при рассмотрении идентичных вопросов весьма разнится с мнением КС РФ. Обратимся, например, к делу «Быков против России». В своем постановлении ЕСПЧ было признано «нарушение права заявителя на уважение его личной жизни»[6]. По мнению суда, полицейский нарушил действующее законодательство, поскольку не было получено предварительное судебное разрешение на осуществление записи разговоров, посредством использования радиомикрофона, на территории земельного участка гражданина.

Думается, что можно заметить видимое расхождение в позициях Конституционного Суда и ЕСПЧ по имеющему достаточно весомое значение для практики ОРД вопросу, а именно в части условий проведения скрытого аудио- и видеоконтроля в помещениях, которые согласно современному российскому законодательству не отнесены к жилищу.

На наш взгляд, данное расхождение имеет место быть по нескольким причинам. Первое, что хочется обозначить, это существующая позиция конституционного суда в части регулирования защиты права на неприкосновенность частной жизни. В Конституции (ч. 1 ст. 23) четко прописана возможность ограничения данного права, причем данная возможность не связана с необходимостью получения для этого специального судебного решения, как, например, для осуществления ограничения права личности на тайну телефонных переговоров и почтовых отправлений (ч. 2 настоящей статьи).

Вторым аргументом является отсутствие в Законе об ОРД каких либо других, кроме судебного разрешения, гарантий обеспечения права на неприкосновенность частной жизни личности при осуществлении наблюдения с использованием средств технического контроля в нежилых помещениях.

По нашему мнению, в настоящее время весьма актуальным является вопрос устранения разногласий Конституционного Суда и ЕСПЧ. Для этого необходимо внесение изменений в Закон об ОРД в части регулирования оснований и порядка применения электронного наблюдения. Особенно важно в настоящем законе обратить внимание на усиление гарантий предупреждения возможных злоупотреблений полномочиями при осуществлении наблюдения. Так же, обращая внимание на действующие нормы законодательства, хотелось бы дать сотрудникам оперативно-розыскных служб рекомендацию о получении судебного разрешения для осуществления электронного наблюдения, в том числе, и в нежилых помещениях. Аргументом при этом является тот факт, что при проведении наблюдения может быть произвольно осуществлена запись телефонных переговоров человека, в отношении которого ведется наблюдение.

Хотелось бы особо отметить, что те дела, которые связаны с обвинениями в несанкционированном перехвате сообщений, как правило, несут за собой ряд особых проблем. При этом, ввиду того, что данная деятельность секретна, заявителям практически невозможно доказать сам факт перехвата их личной переписки.

Обращаясь к статистическим данным, представленным судебным департаментом при Верховном Суде РФ за 2019 год можно отметить, что «процент удовлетворяемости» в судах России ходатайств правоохранительных органов в части осуществления ОРМ составляет порядка 99%, так же практически 100% ходатайств о прослушивании телефонных переговоров граждан подлежат удовлетворению. Данные цифры, по нашему мнению, слишком высоки, они весьма наглядно свидетельствуют о недостаточно эффективном контроле за законностью ПТП»[8].

Правовед И.Д. Шатохин в своих трудах, в которых он приводил исследование обращений к Конституционный Суд РФ, отмечал, что «одним из

наиболее уязвимых при осуществлении ОРД является право личности на неприкосновенность частной жизни (18,3% жалоб), а в 16% изученных обращений ставилась проблема обеспечения права на тайну телефонных переговоров» [9, 10, С. 17].

Не смотря на это, прослушивание телефонных переговоров является весьма перспективным и эффективным способом в борьбе с преступностью.

Говоря о позиции ЕСПЧ, которое считает, что в современном законодательстве нашей страны отсутствуют эффективные средства правовой защиты граждан, которые считают, что в отношении них имело место быть тайное наблюдение (п. 300 Постановления «Роман Захаров против России»)[7]. Также, в прецедентной практике Европейского суда, которое указывает на ряд несоответствий правового регулирования при осуществлении прослушивании телефонных переговоров, особого внимания заслуживают такие дела как: «Захаров против России» и «Дудченко против России»[4], поскольку они были, по нашему мнению, весьма резонансными и показательными.

В деле «Роман Захаров против России», думается, следует отметить, что «решение вынесено Большой палатой ЕСПЧ, которая отвергла аргументы государства об отсутствии у заявителя статуса жертвы вмешательства на основании того, что им не предоставлено сведений о проведении конкретных ОРМ в отношении него лично». ЕСПЧ при рассмотрении настоящего дела обратил внимание на то, что в российском законодательстве, в части правового регулирования ПТП, отсутствуют достаточные гарантии защиты личности от рисков превышения правоохранительными органами своих должностных полномочий, поскольку у них есть полный и прямой доступ к абсолютно всем телефонным переговорам человека [7].

Так же хотелось бы отметить, что в ранее названных нами делах значительное несоответствие правового регулирования было выявлено по причине того, что ЕСПЧ использует совершенно иные, более эффективные инструменты, при помощи которых устанавливается законность наложения ограничительных мер на частую жизнь граждан, а так же весьма разнится в российском понимании законности при осуществлении рассмотрения. Например, с точки зрения Верховного суда РФ законность – это строгое соблюдение подсудности и установленного порядка, соответствие содержания требованиям действующих норм законодательства страны.

Однако Европейский суд вкладывает в понимание законности гораздо больший смысл. При рассмотрении жалобы он в первую очередь проводит исследование качества непосредственно законодательного акта, который ограничивает те или иные права и свободы личности. В понимании ЕСПЧ «Качество закона» - это не что иное, как его доступность и предсказуемость в применении. То

есть должно быть законодательно гарантировано применение тайных мер наблюдения исключительно в необходимых случаях. Законодательно так же существует необходимость определения и обеспечения адекватных и эффективных гарантий предупреждения и сведения к минимуму возможных злоупотреблений в части нарушений прав личности (п. 26 Постановления «Хан против Соединенного Королевства»[5]; п. 76 «Быков против России»[6]; п. 236 «Захаров против России»).

На наш взгляд, для осуществления эффективного судебного контроля в Российской Федерации необходимо внедрение и применение принципов и методов, которые в настоящее время используются в ЕСПЧ. Тем не менее, в нашей стране отсутствует законодательно закреплённая обязанность использования судами тех принципов, которые составляют непосредственную основу оценки жалоб в части нарушений ст. 8 ЕКПЧ.

Описанные нами выше проблемы представляют собой лишь часть вопросов обеспечения необходимой защиты прав и свобод личности в процессе осуществления ОРД. Многие вопросы нуждаются в самостоятельном и более глубоком рассмотрении. Для решения данных проблем, по нашему мнению, необходимо принять ряд мер, в первую очередь включающих совершенствование действующей нормативно-правовой базы, регулирующей основания, условия и порядок проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права личности. При этом, думается, особое внимание необходимо уделить установлению пределов данных ограничений в соответствии с конституционным принципом соразмерности.

Так же считаем важным отметить, что для качественного применения законодательных норм крайне важно постоянно улучшать уровень профессиональной подготовки сотрудников оперативных служб правоохранительных органов. Проводить обучение в части повышения уровня знаний правовых позиций Конституционного Суда по вопросам ОРД. Организовывать работу, направленную на формирование у них конституционного правосознания, заключающегося в уважительном отношении к правам личности и их соблюдению в любой ситуации независимо от тяжести совершенного правонарушения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон (ред. от 12.08.2019 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 N 144-ФЗ // СПС КонсультантПлюс
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 года №

158-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс»;

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 года № 2810-О об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление ЕСПЧ от 5 марта 2018 г. «Дудченко против России» (жалоба № 37717/05). URL: <http://www.consultant.ru>

5. Постановление ЕСПЧ от 12 мая 2000 г. "Хан (Khan) против Великобритании" (жалоба № 35394/97). URL: <http://www.consultant.ru>

6. Постановление ЕСПЧ от 10 марта 2009 г. "Быков против России" (жалоба № 4378/02). URL: <http://www.consultant.ru>

7. Постановление ЕСПЧ от 4 декабря 2015 г. «Роман Захаров против России» (жалоба №

47143/06). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.10.2019).

8. Кравченко Д. Конкретизация регулирования будет полезной. Нормативное закрепление принципов и критериев в целом создает условия для трансформации практики // Новая адвокатская газета. 2018. 31 августа.

9. Никонов М. Прослушку санкционируют, но не проверяют // Независимая газета. 2019. 14 мая. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2019-05-14/3_7572_cart.html.

10. Шатохин И.Д. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018.

11. Чечетин А.Е., Шатохин И.Д. Некоторые проблемные вопросы правового регулирования прослушивания телефонных переговоров // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 6 (98).

12. Чупилкин. Ю.Б. Гарантии права личности на частную жизнь при прослушивании телефонных переговоров: Стандарты ЕСПЧ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 29.10.2020)

CRITERIA FOR THE CLASSIFICATION OF CIVIL ORGANIZATIONAL AND LEGAL COMMUNICATIONS

Topildiev Vokhidjon Rakhimjonovich

Professor of department

“Theory and practice of building a democratic state”

candidate of juridical sciences Ass. Professor,

National University of Uzbekistan,

100174, University street, 4th house, Tashkent, Uzbekistan

DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.271](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.271)

Abstract

In this article, the author expresses his attitude towards the criteria and classification proposed by the lawyer scientists in relation to the classification of organizational and legal relations, concludes that it is necessary to introduce special norms in civil law for civil organizational and legal relations, in case of analyzing the expediency of defining the purpose of the appointment of these relations. He also put forward proposals and recommendations that organizational and legal relations can be divided into relations (initial), relations of carrying out activities of Legal Entities (corporate), relations related to property management (management of civil legal activities), which constitute legal relations and provide a legal basis for carrying out certain activities.

Key words: Organizational and legal relations; civil-legal relations; property rights; civil law; corporate law; organizational-control and organizational-information; organizational-initial; organizational-representation.

Organizational and legal relations, which are considered a separate type of civil-legal relations, are also classified as other types of civil-legal relations, and such a classification is distinguished by its wide coverage and diversity. Article 2 of the civil code of the Republic of Uzbekistan does not specify a specific commonality and strict criteria for the division of relations into types regulated by civil law. According to it, Civil legislation establishes the legal status of participants in civil circulation, the basis for the formation of property rights and other property rights, the rights to the results of legal activity, as well as the

procedure for their implementation, regulates contractual obligations and other obligations, other property and personal non-financial relations associated with it.

As in the textbooks of civil law, the types of civil legal relations are divided into types in general order. However, not every species of them is tried to classify. For Example, I.B.Zakirov proposes to establish the basis of legal relations in the division of civil-legal relations into types, the scope of powers of subjects of legal relations, the origin of material and intangible blessings from the state of civil circulation¹.

¹ Zokirov I.B. Grazhdanskoe pravo [Civil law]. Tashkent: TGJuI, 2009. 123 p.

Although in the civil code it is not established that organizational and legal relations are regulated by civil legislation, it is worth noting that organizational and legal relations are also regulated by civil law, taking into account the fact that the main place in civil law regulation is the organization of dispositive norms. The current civil legislation regulates organizational and legal relations both through its general norms and in separate special norms.

In its essence, the list of organizational relations, which is not considered a property and personal non-existent relationship, is aimed at the organization, formation and maintenance of other relations, is considered quite extensive today. This situation makes it difficult to legally regulate organizational relations by legislation, and here defines separate norms in civil law for civil organizational and legal relations in the regulation of the complexity and development of multifaceted social relations.

Civil organizational-legal relations as mentioned above, represent social relations between entities that are legally equal and have property independent, autonomous will and subjective organizational rights provided by the state and undertake subjective organizational responsibilities.

These legal relations have a certain commonality, and within the framework of this commonality they can be divided into separate groups.

The division of civil organizational and legal relations into types, classification of it originally proposed by O.A.Krasavchikov. In his opinion, these legal relations can be classified according to a number of signs for scientific purposes (according to the stability of these legal relations, according to their subspecies, according to their social content). According to this criterion, civil organizational and legal relations can be divided into the following types:

- 1) organizational-initial (causative) relations;
- 2) organizational-representative relations;
- 3) organizational-control relations;
- 4) organizational-information relations².

Of course, such a differentiation of civil organizational and legal relations arises from the types of non-proprietary legal relations. However, it will also be possible to divide organizational and legal relations that are part of the subject of civil law into types according to other criteria. For example, civil organizational and legal relations can be divided into pure civil organizational and legal relations, which are not related to corporate legal relations and corporate relations. At the same time, it is also possible to divide organizational-legal relations into organizational relations, arising from the activities of legal entities, at the time of conclusion of contracts and arising from contracts. The organizational and legal relations arising from the activities of legal entities, including the relations associated with the registration and management of the legal entity, the stages of

establishing contractual relations and the contractual arrangements for the organization of transportation (the offer and the contract). acceptances and methods (auctions, tenders), and also the power of attorney on relations arising from contracts, trust management of property, and such the organizational and legal relations that arise from them. It is also recognized in the literature that there are other types of civil organizational-legal relations.

However, in the deep analysis of civil-legal relations it is important to study the differentiation proposed by O.A.Krasavchikov and to give a scientific-theoretical evaluation.

Organizational-initial relations recognition of citizenship as an independent type of organizational-legal relations O.A.Krasavchikov notes that these relations arise on the basis of attachment to the formation and implementation, and in some cases on the basis of the development of basic (property or personal non-property) relations. O.A.Krasavchikov introduces a lot of legal ties into organizational-initial relations, but in many places it is limited to bringing some examples to them. In his opinion, the following can be an example of an organizational-initial relations:

- a) product delivery, capital construction contract, project and search works contractual obligations;;
- b) obligations arising from transport agreements between contractors in the field of organization of transport activities;
- c) other agreements establishing organizational-legal relations.

Organizational representative relations are a special type of civil-law relations, and as a result of their implementation, the right to carry out a specific property or non-property act is transferred from one person to another. Organizational-representative relations include:

- a) relationship that implies issuance and recall of power of attorney;
- b) relations with the election of the governing body of a legal entity;
- c) relations with the election of a representative for participation in the work of a high-ranking body of corporate or social organizations³.

Organizational-control and organizational-information relations are seen as a separate independent type of civil organizational-legal relations. O.A.Krasavchikov connects their implementation with the creation of the necessary conditions for the adequate development of the main "organizational" relations, legal relations and ensuring the stability of these relations.

The scope of organizational-control and organizational-information relations is broad enough. O.A.Krasavchikov believes that the following legal relations can be included in the organizational-supervisory relations:

² Krasavchikov O.A. Grazhdanskie organizacionno-pravovye otnosheniya//Ontologija ural'skoj civilistiki [Civil legal relations // Ontology of the Ural civil law]. 1925-1989. 2001. pp. 163-164.

³ Sovetskoe grazhdanskoe pravo. T.1. Izd. 2-e. Uchebnik dlja vuzov/Pod.red. O.A.Krasavchikov [Soviet civil law. T.1. Ed. 2nd. Textbook for high schools / Under.ed. O.A.Krasavchikov]. 160 p.

- a) competence of project organizations on authorship control;
- b) the right to demand the fulfillment of the task from the intermediary set by the committee;
- c) the right of the customer under the contract of capital construction to carry out control and technical inspection from the contractor for the volume, cost and quality of performance of work.

As for the organizational-information relationship, O.A.Krasavchikov introduces the following legal relations:

a) the obligation of the contractor to timely warn the customer of the circumstances of the suitability and durability of the work performed, the obligation of the buyer to warn the buyer about the rights of third parties in relation to the goods;

b) the obligation of the assignee to inform the debtor of the fulfillment of the obligation and other messages; the obligation to exchange information between the committee and the intermediary.

Of course, these analyzes and the criteria and types of differentiation of civil organizational-legal relations into types have a specific logical and legal basis, as well as consistency. However, in terms of content and in essence, the examples given to all types of civil organizational and legal relations, and the civil-legal structures cited for their justification, are more closely related to proprietary legal relations. It is reasonable to admit that the types of civil organizational-legal relations proposed by O.A.Krasavchikov, emphasizing that their naming is specific, the examples presented to them are controversial in today's modern civil legislation. Consequently, in today's civil legislation, organizational-initial, organizational-representation, organizational-control and organizational-information relations have gained new meaning and meaning with the improvement of corporate legislation and relations. Now there is an opportunity to come up with a lot of legal relations, which are inherent in each type of civil organizational-legal relations and have a pure organizational-legal character. For this reason, it is possible to bring not only new and absolutely pure organizational attitudes that relate to the justification of the types of civil organizational and legal relations, but also it is possible to offer new types of civil organizational and legal relations, which O.A.Krasavchikov proposed. This situation is primarily due to the fact that the methods of civil-legal regulation are well established, the state participation in the activities of legal entities and subjects of entrepreneurial activity is significantly reduced, as well as the definition of new bases of civil legislation specific to the market economy.

In our opinion, the transition of corporate relations and their types as a new type of civil organizational-legal relations is of paramount importance. In the legal literature, it is recognized that corporate relations are a new kind of legal relationship. In Particular, according to O.A.Zakirov, in the system of market relations, a new type of civil-legal relations-corporate legal relations-also arose, which led to the fact that the circle of the subject of civil law is connected with organizational-legal relations. Organizational-legal structures of subjects with signs of a legal entity are legal relations that arise on the basis of membership (participation) in corporations. The content of such legal relations is corporate law. But without a purely private legal attitude to corporate legal attitude, it covers also elements of some public-legal attitude (tax, administrative management).

According H.R.Rahmonkulov and S.S.Gulyamov's opinion, corporate law is considered a branch of civil law. First of all, this is explained by the similarity of regulated relations with the fact that in this or that case it acquires a property character and has the property of forming an alternative remuneration⁴.

According to P.V.Stepanov, corporate relations have a property nature and, consequently, on their basis, the economic relations of the property lie⁵.

A.M.Erdelevsky notes that participation in management and the right to information is a personal non – exclusive right, since they do not have property content and, by their nature, are inextricably linked with the individual, are not separated from it⁶.

Exactly such point of view S.N.Bratus also indicates, and according to his rule, the rights arising from membership in the organization belong to personal non-exclusive rights, which are the rights that are not alienated, separated from the member of the organization, until they leave the membership, belong to this member⁷.

According to V.A.Rakhmilovich's confession, internal organizational relations of the corporate type express a mixed combination of property and personal non-property relations, and at the same time it is impossible to come to a firm decision on the property nature of organizational relations⁸.

In our opinion, here B.A.Rakhmilovich's thoughts are quite relevant. Because membership relations, that is, the membership of a subject in a certain organizational-legal structure of legal entities, express a combination of specific material and intangible interests, and therefore, in most cases, these rights and freedoms, and in the absence of them, give the opportunity to interpret the relations associated with them as civil organizational-legal relations. Also, the legal relations between membership and its rights and

⁴ Rakhmonkulov Kh.R. Guljamov S.S. Korporativnoe pravo [Corporate law]. TGJuI, 2007. 16 p.

⁵ Stepanov P.V. Korporativnye otnosheniya v grazhdanskom prave // Zakonodatel'stvo [Corporate relations in civil law // Legislation]. 2002. № 6. 35 p.

⁶ Erdelevskij A.M. O zashhite lichnyh neimushhestvennyh prav akcionerov // Hozjajstvo i pravo [On the protection of personal non-property

rights of shareholders // Economy and Law.]. 1997. № 6. 70 p.

⁷ Bratus' S.N. Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava [The subject and system of Soviet civil law]. 1963. 74 p.

⁸ Grazhdanskoe pravo Rossii: Kurs lekcij. Chast' 1 [Civil law of Russia: a course of lectures. Part 1]. 1996. 61 p.

organizational-legal structures constitute create such a system of social and legal relations, as well as the organizational-legal structures, constitute such a system of socio-legal relations that in the system of civil legal relations constitute a separate category, system and society, these relations can be called corporate relations, and by defining common and mixed property.

The right of membership, which expresses a specific synthesis of property and personal non-property rights, is considered significant with indivisible and non-separable. For example, in this combination, the following property rights can be seen:

- the right to receive income;
- the right to receive the termination quota;

Personal property rights in this synthesis include the following:

- the right to participate in management (the right to call the general meeting of members, the right to participate in the general meeting, the right to be elected to the bodies of a legal entity);
- the right to receive information;
- the right to control⁹.

Participants will be able to transfer from one person to another, in other words, these rights are rights that can be alienated from the owner, in contrast to the traditional non-traditional rights of the legal nature of non-nominal rights. Therefore, these rights and the relations arising from them can be considered as civil organizational-legal relations.

In the theory of civil law the differentiation of civil organizational-legal relations, cited by O.A.Krasavchikov, is not only deeply studied, but also in some places critical relations are expressed in such a classification. Such classification is based on the content of those or those links. However, the first group (organizational-initial relations-V.T.) another common criterion is separated from the role of organizational-legal relations.

As noted above, the relations of the first group, separated by O.A.Krasavchikov, include organizational-initial and organizational-representative relations. According to T.I.Illarionova, this group includes the relations of the offerent and the acceptor before the contract, representative relations, relations that create the conditions for the existence of an absolute right of ownership, relations that make up some non-legal relations (for example, relations between persons who applied with the same formula of the invention) and some other relations.

As recognized above, the second group of organizational relations by O.A.Krasavchikov includes control, information and other relations. T.I.Illarionova noted that apart from these relations, this group

includes the legal relationship between the author and the publisher, which is based on the procedure for expressing respect when the legal relationship and contractual obligations arising before the publication of the work are violated¹⁰.

It can be concluded that in these views expressed in relation to the classification of civil organizational-legal relations, the state of certain generality and justification for a single criterion are not considered. In other words, the differentiation (division) proposed by O.A.Krasavchikov tries to group all the relations existing in civil law and practice, proceeding from this or that point of view, and does not intend to classify them. Also O.A.Krasavchikov conditionally divided the elements of a certain legal relations into groups of organizational-legal character, and also called their nomenclature by a single criterion.

The differentiation of civil organizational-legal relations by T.I.Illarionova is different from O.A.Krasavchikov's current reality differentiation, it is based on other criteria. T.I.Illarionova not only distinguishes them, but also classifies organizational-legal relations by dividing them into two independent groups. According to it, the first group of organizational-legal relations is not considered the initial (initial and representative), the second group is the initial relationship (but rather the supply relationship-control, information relations).

K.A.Kirsanov believes that the differentiation of civil organizational-legal relations proposed by O.A.Krasavchikov, and the differentiation of T.I.Illarionova are not a differentiation of civil organizational-legal relations, but a differentiation of organizational-relations, which is distinguished in the subject of civil law. Here criterion of social content proposed by O.A.Krasavchikov and the criteria for the functional task expressed by illarionova are not intended for the classification of organizational-legal relations, but for the classification of organizational-relations.

In our opinion, the proposed criteria for the classification of organizational-legal relations in this place are considered important in the classification of these relations, in the identification and legal regulation of their system. Therefore, the criteria for dividing them into species should be based not only on the criteria of social (sociological content and functional significance), but also only on legal criteria, and in this they should be considered the basis of the classification of organizational-relations as social relations within the scope of the subject of civil law.

In the legal literature, it is proposed to classify civil organizational-legal relations according to the criteria for their normative designation, and in this case

⁹Stepanov P.V. Korporativnye otnoshenija v kommercheskih organizacijah kak sostavnaja chast' predmeta grazhdanskogo prava [Corporate relations in commercial organizations as an integral part of the subject of civil law. Doct. Diss.]: 1999. Lomakin D.V. Akcionernoe pravootnoshenie: ponjatie, sodержanie, subekty [Stock relationship: concept, content, subjects. Doct. Diss.]: 1996. pp. 23-24.

¹⁰ Illarionova T.I. Grazhdansko-pravovye organizacionnye otnoshenija i sposoby ih zashchity // Grazhdanskoe pravo, jekonomika i standartizacija: Mezhevuz sb. Nauch [Civil-law organizational relations and methods of their protection // Civil law, economics and standardization: Interuniversity collection. scientific]. 64. Sverdlovsk, 1978. pp. 29-30.

it is proposed to divide them into independent organizational and legal relations (“organizational and legal relations in pure form”) and “relatively independent” organizational-legal relations, that is, legal relations in civil legislation, recognized as an element¹¹.

In our opinion, the criteria proposed for the division of civil organizational-legal relations into types, as well as such types of organizational-legal relations, are also controversial and respectful. After all, organizational-legal relations in this way can be divided into two, in general, and dividing them into pure organizational-legal relations and non-pure, relatively independent and auxiliary organizational-legal relations can contradict the content and essence of these relations and lead to incorrect legal assessment of them. For example, organizational-legal relations, such as the creation of a legal entity, the formation of a statutory fund, the conclusion of constituent contracts, can not be resolved strictly on the issue of belonging to exactly independent organizational and legal relations or “relatively independent” organizational-legal relations. At the same time it can not be considered that in the legislation of this or that organizational-legal relations is a pure organizational-legal relationship, elements of such property and personal non-political relations are not foreseen.

Therefore, it is desirable to establish the purpose of the appointment of these relations as a legal criterion for the classification of civil organizational relations. Here can be divided into organizational-legal relations (initial), relations of legal entities (corporate), relations related to property management (management of civil legal activities, but not representative) and other similar relations, which constitute legal relations and form a legal basis for the implementation of certain activities.

As recognized above, critical relations were expressed in the types of civil organizational and legal relations proposed by O.A.Krasavchikov and the criteria for their classification. One such critical approach is as reported by O.S.Ioffe, it would be possible to assume that the provisions of many other civil-legal norms are also inherent in this type of relations, in his opinion, because of such reasoning on organizational relations. As a result, numerous civil organizational-legal relations, recognized by O.A.Krasavchikov can arise which in turn do not fit into the four types of circles proposed by the author¹².

It is ranked O.S.Ioffe's thoughts can not be joined. O.A.Krasavchikov noted that according to the social content there are many types of civil organizational-legal relations, and since he left the list open, he did not put in this place the separation of all types of civil organizational-legal relations, as his first priority task,

as well as the determination of the location of each of them.

On the classification of organizational relations T.V.Kashanina's point of view is of particular interest. T.V.Kashanina distinguishes and analyzes various types of organizational relations through the prism of organizational contract.

1. Pure organizational agreements: constituent agreements (on the establishment of corporates and corporate associations); agreements on reorganization; agreements on the termination of activities.

2. Agreements on joint activities (ordinary company contracts), management contracts for them (for example, on granting to the management of another corporation); contracts between executive bodies and legal entities; contracts for the exchange of information (information contracts); mutual control and some other agreements;

3. Preliminary agreements: simple preliminary agreements (for example, agreements on the organization of transportation) and agreements on the establishment of long-term economic relations;

4. Mandatory contracts (in particular, the state contract);

5. Investment agreements;

6. Agreements on the order of the enterprise;

7. Contracts for participation in profits.

T.V.Kashanina noted that the “list of the types of organizational contracts indicated is not complete, although large”¹³.

According to H.R.Rahmonkulov and S.S.Gulyamov, in the practice of entrepreneurial activity of corporate organizations, several organizational and legal contracts are known. Among these, the following can be included:

- on the establishment of legal entities in the form of constituent contracts (full economic associations, a company, including a corporation);

- agreements on reorganization (addition, subtraction, modification, division, addition, subtraction);

- agreements on cooperation;

- preliminary contracts (basic contracts for the performance of work or for the provision of services find property on the conditions specified in the initial contract);

- корпорация тузилишининг ўзидаги ташкилий-ҳуқуқий муносабатлар;

- organizational-legal relations of the corporation itself;

- contracts for establishing long-term economic relations;

- other agreements that fall under the subject of civil law, which can be used in the activities of corporate organizations.

¹¹ Kirsanov K.A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie organizacionnyh otnoshenij [Civil regulation of organizational relations. Doct. Diss.]. Ekaterinburg. 2008. 108 p.

¹² Ioffe O.S. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii civilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «hozjajstvennogo

prava» [Selected Works on Civil Law: From the History of Civil Law Thought. Civil relationship. Criticism of the theory of "economic law"]. 2000. pp. 259-260.

¹³ Kashanina T.V. Korporativnoe pravo: Uchebnik dlja vuzov [Corporate Law: Textbook for High Schools]. 1999. 53 p.

In our opinion, although the differentiation of organizational contracts presented by T.V.Kashanina has a specific scientific value, it has certain shortcomings also.

In particular, T.V.Kashanina remains open to the fact that on the basis of what criteria the organizational contracts divided. The fact that there is no single criterion for classification, in its essence the fact that T.V.Kashanina has types of organizational contracts and the list presented by her indicates that she does not have a final tone. At the same time, it seems that the division of organizational contracts into types within separate groups does not have a clear and logical sequence in some places. For Example, the division of preliminary contracts by T.V.Kashanina into simple preliminary contracts (the contract of the organization of transportation) and contracts aimed at establishing long-term economic relations. Because according to Article 722 of the civil code, the carrier and the shipper can also conclude a long-term contract for the organization of transportation, depending on the necessity. This means that the legislator gives the parties the opportunity to conclude a contract for the organization of long-term and permanent, systematic long-term transportation, which implies the establishment of a long-term organizational relationship between them.

In our opinion, although T.V.Kashanina's citation of the types of organizational contracts acquires a specific science, she does not take into account the cases when organizational-legal relations are formed on the basis of other legal facts, and therefore have a one-sided character.

It is also worth paying special attention to the division of organizational and legal relations by A.M.Martemyanova into types from the point of view of their connection with property and legal relations of obligations. The location A.M.Martemyanova explained that civil organizational-legal relations are inextricably linked with the legal relations of obligations, that "the organizational-legal relations are divided into two large groups, proceeding from each of these links," the first group creates (changes, ends) the legal relations of obligations, and the second group of legal relations ensures their development, validity and is part of them¹⁴.

In our opinion, A.M.Martemyanova will also be able to talk about the connection of civil organizational-legal relations with compulsory legal relations, and about the two groups of this legal relations on the basis of their presence in the two groups with property and non-legal relations. In this, legal relations in the first group will focus on the emergence of "organizational" legal relations, while legal relations in the second group will focus on the regulation, development of existing organizational-legal relations. For this reason, organizational relations in the first group can be called organizational-legal relations, in which the right is

established, and the legal relations in the second group are organizational-legal relations that provide the right.

Proceeding from the situation in modern civil law, the civil organizational-legal relations arising from the law can be attributed to the following: representative legal relations (Article 129 of the Civil Code); legal relations arising from the initial agreements (Article 361 of the Civil Code); relations arising from the agreements for the organization of transportation (article 722 of the Civil Code); legal relations for the organization); legal relations in the process of concluding a contract (articles 364-381 of the Civil Code); legal relations arising from the legal regulation of the emission of securities (Article 96 of the Civil Code, article 35-46 of the law "on the rights of the joint-stock companies and shareholders"); the organizer of the lottery and the participant of the lottery-the legal relations between the owner of the lottery ticket (article 984 of the Civil Code); the legal relations with the acquisition of property rights to found or neglected domestic animals (articles 192, 195 of the Civil Code) and other legal relations.

On the basis of the analysis of the current civil law, the following legal relations can be entered into the organizational-legal relations that provide the right: the legal relations whose content constitutes the right of the shareholder to receive information about the activities of the joint-stock company (article 27 of the law "On the rights of the joint-stock companies"); warning the customer about the circumstances of the contractor's performance of the contract and the relevant right of the customer (article 393 of the Civil Code); obligation of the contractor to provide information to the customer and the relevant right of the contractor (article 643 of the Civil Code); the obligation of the contractor to provide information to the customer and the corresponding right of the contractor (article 643 of the Civil Code); the representative must provide him with information on how the assignment is performed in accordance with the request of the assignment operator and the relevant right of the assignment operator (article 820 of the Civil Code), etc.

REFERENCES

1. Bratus' S.N. Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava [The subject and system of Soviet civil law]. 1963. 74 p.
2. Grazhdanskoe pravo Rossii: Kurs lekcij. Chast' 1 [Civil law of Russia: a course of lectures. Part 1]. 1996. 61 p.
3. Erdelevskij A.M. O zashhite lichnyh neimushhestvennyh prav akcionerov // Hozjajstvo i pravo [On the protection of personal non-property rights of shareholders // Economy and Law.]. 1997. № 6. 70 p.
4. Zokirov I.B. Grazhdanskoe pravo [Civil law]. Tashkent: TGJul, 2009. pp. 123-124.
5. Martem'janova A.M. Obekt organizacionnogo pravootnoshenija // Problemy objazatel'stvennogo

¹⁴ Martem'janova A.M. Obekt organizacionnogo pravootnoshenija // Problemy objazatel'stvennogo prava: Mezhevuz. sb. nauch. tr [The object of

organizational legal relations // Problems of the law of obligations: Interuniversity. Sat scientific tr]. Sverdlovsk: 1989. 66 p.

prava: Mezhevuz. sb. nauch. tr [The object of organizational legal relations // Problems of the law of obligations: Interuniversity. Sat scientific tr]. Sverdlovsk: 1989. 66 p.

6. Krasavchikov O.A. Grazhdanskije organizacionno-pravovye otnoshenija//Ontologija ural'skoj civilistiki [Civil legal relations // Ontology of the Ural civil law]. 1925-1989. 2001. pp. 163-164.

7. Kirsanov K.A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie organizacionnyh otnoshenij [Civil regulation of organizational relations. Doct. Diss.]. Ekaterinburg. 2008. pp.107-108.

8. Kshanina T.V. Korporativnoe pravo: Uchebnik dlja vuzov [Corporate Law: Textbook for High Schools]. 1999. pp. 51-53.

9. Rakhmonkulov Kh.R. Guljamov S.S. Korporativnoe pravo [Corporate law]. TGJuI, 2007. pp. 16, 22.

10. Sovetskoe grazhdanskoje pravo. T.1. Izd. 2-e. Uchebnik dlja vuzov/Pod.red. O.A.Krasavchikov [Soviet civil law. T.1. Ed. 2nd. Textbook for high schools / Under.ed. O.A.Krasavchikov]. 160 p.

11. Stepanov P.V. Korporativnye otnoshenija v grazhdanskom prave // Zakonodatel'stvo [Corporate relations in civil law // Legislation]. 2002. № 6. 35 p.

12. Stepanov P.V. Korporativnye otnoshenija v kommercheskih organizacijah kak sostavnaja chast' predmeta grazhdanskogo prava [Corporate relations in commercial organizations as an integral part of the subject of civil law. Doct. Diss.]: 1999. Lomakin D.V. Akcionerное pravootnoshenie: ponjatie, sodержanie, subekty [Stock relationship: concept, content, subjects. Doct. Diss.]: 1996. pp. 23-24.

13. Illarionova T.I. Grazhdansko-pravovoe organizacionnye otnoshenija i sposoby ih zashhity // Grazhdanskoje pravo, jekonomika i standartizacija: Mezhevuz sb. Nauch [Civil-law organizational relations and methods of their protection // Civil law, economics and standardization: Interuniversity collection. scientific]. 64. Sverdlovsk, 1978. pp. 29-30.

14. Ioffe O.S. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii civilisticheskoj mysli. Grazhdanskoje pravootnoshenie. Kritika teorii «hozjajstvennogo prava» [Selected Works on Civil Law: From the History of Civil Law Thought. Civil relationship. Criticism of the theory of "economic law"]. 2000. pp. 259-260.

ISSN 2413-5291

НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ УЧЕНЫХ (НАУ)

Ежемесячный научный журнал

№58 / 2020

1 часть

Редакционный совет

Ответственный редактор – д.ю.н. Чукмаев А.И.
Секретарь конференции – к.ф.н. Варкумова Е.Е.
Редакционная коллегия
Сорновская Н.А.
Кажемаев А.В.
Каверин В.В.
Каримов П.Б.
Свистун А.А.
Селиктарова К.Н.
Артафонов В.Б.
Самиров А.И.
Семипалов С.А.
Новицкая О.С.

Ответственный редактор

Чукмаев Александр Иванович

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права.
(Астана, Казахстан)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений,
изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не
совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал
обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: 620144, г. Екатеринбург, улица Народной Воли, 2, оф. 44

Адрес электронной почты: info@national-science.ru

Адрес веб-сайта: <http://national-science.ru/>

Учредитель и издатель Общество с ограниченной ответственностью
"Евразийское Научное Содружество"

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144, г. Екатеринбург,
улица Народной Воли, 2, оф. 4